

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

Комната на чердаке

Л

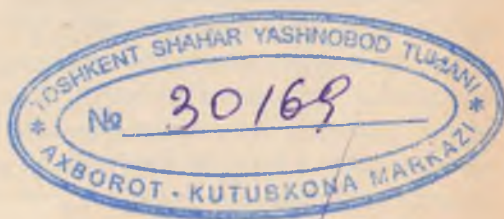

ВАНДА ВАСИЛЕВСКАЯ

Комната на чердаке

Повестъ

Перевод с польского

МОСКВА „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“ 1987

И(Пол)
В19

Wanda Wasilewska
Pokój na poddaszu 1939

Перевод с польского
Э. Р. Василевской

Рисунки
Н. Абрамова

Обложка
А. Беширова

В 4803020000—366 472—87
М101(03)87

© Перевод на русский язык. Иллюстрации. Оформление.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1987 г.

РЕШЕНИЕ

Анка от усталости еле на ногах держалась. А ведь надо еще уложить в постель всхлипывающего Адася, успокоить Зосю и хоть немного прибрать комнату. К глазам подступали слезы, хотелось заплакать в голос, как плакал маленький братишка. Но нет, нельзя ей распускаться. Теперь она осталась за старшую в семье, ведь Игнася, хоть он и большой, взрослым никак еще не назовешь.

— Пора спать, Адась. Сейчас постелю тебе постель, гляди, подушку взбила...

— Не хочу спать,— капризничал мальчик.

— Надо, родненький,— нежно уговаривала его Анка и, посадив на стул, стала снимать с него ботинки.

Адась был совсем сонный, и не успела она раздеть его, как он опустил головку на грудь и послушно дал отнести себя в кровать.

— И ты, Зося, ложись.

Скрипнула дверь, вошел Игнась. За последние дни обычно веселое лицо его стало не по годам суровым и серьезным.

— Еще не спите?

— Адася я уложила, и Зося вот ложится. Пора бы и тебе.

Игнась посмотрел в угол, где стояла аккуратно прибранная материнская кровать, и губы у него дрогнули.

— А ты? Не пойдешь спать?

— Нет, пани Тобякова просила зайти. Поговорить хочет.

Зося с кровати поманила ее рукой. Анка склонилась над заплаканной сестричкой.

— Анка, что же теперь с нами будет? — тихо спросила девочка, и слезы снова потекли у нее по щекам.

— Не плачь, родная, не надо! Вон как глаза распухли! Все образуется. Чему быть, того не миновать. Главное, держаться, и тебе, и всем нам. Иначе не справимся.

Она посидела рядом с сестрой, дожидаясь, пока та уснет. Ох, нелегко им придется, как ни храбрись. Ведь уже после смерти отца они еле сводили концы с концами, хотя мать работала на фабрике и считала каждый грош. А теперь? Никогда уже мать не пойдет на работу, никогда, никогда не погладит Анку по голове натруженной своей рукой, никогда не улыбнется младшенькому, любимцу своему Адасю. Погребли ее сегодня под бурой глиной на кладбище, и остались они совсем одни — четверо сирот.

Ровно, глубоко дышит Зося — уснула. Анка тихо выскользнула из комнаты. По скрипучей лестнице спустилась на второй этаж и постучала в дверь к соседке, пани Тобяковой.

В комнате слышались громкие голоса — пять соседок собрались на вечерние посиделки. Увидев Анку, толстая и сердобольная пани Матильда, жена булочника, запричитала:

— Ой, бедненькая ты моя, что же теперь с вами будет? Ой, люди добрые, подумать

только, такая женщина была, честная, самостоятельная, и вот четверых оставила, мал мала меньше!

— Будет вам, Анка уже не маленькая, да и Игнась парень что надо! — вмешалась энергичная пани Тобякова.

В эту минуту Анка почувствовала себя маленькой и слабой. Слезы снова навернулись на глаза, но она сдержала их усилием воли.

— Садись, Анка, — пригласила хозяйка. — Слезами горю не поможешь, давай-ка подумаем лучше, как дальше жить сиротам.

«Сироты», — повторила про себя Анка. Это слово обрушилось на нее всей своей тяжестью. Пока мать была жива, безотцовщина не казалась такой страшной. Но теперь? Когда не стало их обоих, добрых, любящих, таких заботливых...

— Я уже говорила с женой доктора, это куда я стирать хожу. Она попросит мужа похлопотать, чтоб Адася взяли в приют. Надо тебе завтра к ней зайти, договориться.

Анка оцепенела. Может, она ослышалась?

— Адася? В приют?

— Ну чего ты вскинулась? А что же делать? Через день-два можно будет отправить его на Мостовую.

— На Мостовую?

— Да ты что? Не знаешь, где приют на Мостовой? Номер восемь, в доме с садиком.

Анка сжала кулаки с такой силой, что ногти впились в ладони.

— Адася в приют? Не отдам.

Пани Тобякова всплеснула руками.

— Во те на! А куда ты с мальцом денешься? Пока мать болела, небось последнее продали. Надо и Зосю с Игнасем пристроить!

Игнася пани Матильда в пекарню возьмет учеником. И угол будет, и хлеба кусок. А про Зося сестра докторши справлялась — в Сосновец ее возьмет, малыша нянчить.

Анке казалось, будто все происходит во сне. Как же так? Только что они были вместе, все четверо, и вдруг, как птенцы, выпавшие из гнезда, разлетятся в разные стороны. Что ей делать в опустевшей комнате без веселого Зосинога пения, без щебетанья Адася, без рассказов Игнася, который всегда высмотрит что-нибудь интересное во дворе, на улице и потом рассказывает, да так складно, интересно, будто по книжке читает... А школа? Мама так хотела, чтобы Игнась учился, окончил семь классов.

Она встала и сказала чуть дрогнувшим голосом:

— Спасибо вам большое за доброту. Только так не пойдет. Нам вместе надо...

— Ишь, придумала! Сама не знаешь, что говоришь, а жить на что будете? — возмутилась пани Тобякова, сложив руки на животе, под синим полосатым передником.

— Мастер обещал взять меня на фабрику. Конечно, получать я буду меньше мамы, но все же что-то заработаю. Не пропадем.

— На фабрику? Вымотаешься, здоровье погубишь, как мать!

— Не осилишь...

Анка стояла в кругу причитающих соседок, стиснув зубы. Она и сама страшилась фабрики — а что, как не справится? Потому в разговоре с мастером два года себе прибавила, боялась, что не примет, скажет, что мала. Но она была рослая, сильная, и мастер поверил.

А тут еще соседки раскудахтались. Понят-

но, добра ей желают, но поскорее бы от них домой.

— Даже если устроишься, Адася все равно лучше отдать. Ребенком заняться некому. Ты что думаешь, на фабрике деньги лопатой гребут? Хочешь идти, дело твое, но с детьми поступай, как я советую. Иначе не потянешь.

— Попробую,— тихо сказала Анка.— Мы хотим быть вместе, как раньше.

Не слушая больше соседок, она попрощалась и вышла. Шла по лестнице и думала: осилит ли, сумеет ли сохранить осиротевшее гнездо?

Анка тихо приотворила дверь. Тикали часы. Она прислушалась к дыханию спящих детей.

Нет, нет, ни за что! Не отдаст она их чужим людям. Справится, должна справиться! Все будет так, будто мама здесь, вместе с ними, будто бы она не умерла.

Осторожно, чтобы не разбудить спящих, Анка зажгла керосиновую лампу. Взяла с комода старую выцветшую фотографию матери и долго всматривалась в любимое лицо. Ей показалось, что мать улыбается, как бы одобряя ее решение.

Адася пошевелился во сне и что-то невнятно забормотал. Она подошла и нежно прикоснулась к его золотистым волосам.

— Не дам тебя в обиду, не отдам чужим,— шептала Анка и, хотя понимала, какой тяжелый груз взвалила на свои плечи, почувствовала облегчение, всю усталость этого страшного дня как рукой сняло.— Справлюсь,— сказала Анка себе самой, спящим детям и матери, добрыми глазами смотревшей на нее с фотографии.

ВЕЛОСИПЕД

На лестнице слышатся шаги, Зося бежит к двери. Да, это поворачивается Анка. Как медленно она идет. Должно быть, очень устала.

— Ну как вы тут без меня? Адашь хорошо себя вел?

— Хорошо, — отвечает мальчик, не сводя глаз со свертка в руках у сестры.

— Это что?

— Ничего, — лукаво смеется Анка.

— Это мне! Это мне! — ликует Адашь и выбирается на стул, чтобы дотянуться до поднятой вверх руки сестры.

Есть! Схватил! Конфеты!

— Мятные, мятные!

— Верно, мятные!

Зося быстро вытаскивает кастрюлю из печи и наливает сестре тарелку борща.

— Ну и наготовила! До чего вкусно!

Анка весело болтает с Зосей и Адашем, но на душе у нее тревожно. Сегодня, в субботу, она получила первую зарплату за неделю. Надо прикинуть, как распределить деньги. Получила меньше, чем рассчитывала, — с нее вычли за порванные нитки на шпульках.

Вечером, когда Адашь уже спит в своей кроватке, три головы — темная Анки и светлые Зоси и Игнася — склоняются над столом в неярком свете керосиновой лампы.

— За квартиру...

Игнась сосредоточенно записывает.

— В лавку.

— За уголь.

— Адасю починить ботинки.

— А теперь подсчитай.

Игнась считает. Проверяет еще раз, чтобы не ошибиться.

Анка кладет на стол деньги.

— Не хватит,— говорит ровным голосом, чтобы и виду не подать, как она встревожена: и про ботинки она забыла, и угля сожгли больше, чем рассчитывала. Неужели пани Тобякова права?

— В конце концов, не обязательно сейчас чинить ботинки и квартплата до первого числа подождет,— беззаботно говорит Зося.

— Но ботинки-то дырявые, чего доброго, Адасть простудится, и на квартиру нужно откладывать каждую неделю, сразу столько денег нам не набрать,— возражает Анка.

Зося вздыхает. Старшая сестра, подперев голову руками, смотрит на подсчеты Игнася.

— Вот что, все равно ничего не придумаем,— говорит Игнась.— Главное, расплатиться в лавке, на квартиру выкроим из следующей зарплаты. А ты, Анка, ложись спать, завтра на работу не идти, хоть выспишься!

«И вправду, ничего путного не придумаешь. Как ни крути, денег не прибавится»,— решает Анка и идет спать.

Она просыпается утром, когда солнце золотой полосой ложится на чисто вымытые Зосей половицы. Зося и Адасть сидят за столом, малыш что-то рисует.

— Ну и выпалась же я...

— А мы уже давно встали. Но сидели как мишки, чтобы тебя не разбудить.

— Как мышки, как мышки, Адасть,— смеется Анка.

— Как мишки, так лучше.

Анка смеется и наливает в таз воды — умываться.

— А где Игнась?

— Помчался куда-то. На велосипеде, должно быть, я слышала, как он вытаскивал его из чулана.

Анке немного обидно. Думала, проведут воскресенье вместе, а тут Игнась умчался невесть куда. Больше года прошло, как получил он велосипед, и все никак не наладуется. Гоняет целыми днями.

— Тогда и мы пойдем погулять! Может, в парк?

— В парк! В парк! В парк! — радостно запрыгал Адасть.

Игнась и вправду катил на своем велосипеде. Он выехал из города на широкое шоссе. По обе стороны зеленели ряды высоких деревьев. В заросших георгинами палисадниках прятались маленькие домики. Ветер свежим дуновением касался лица. Как чудесно мчаться по дороге в голубеющую легкой дымкой даль! Велосипед катил исправно, послушный малейшему его движению. «Поеду дальше, — решил Игнась. — Это ведь в последний раз!»

Ему вспомнились все прежние поездки на велосипеде. Сосновые перелески и деревушки у дорог, речки, текущие по золотистому песку, — никогда бы не увидеть ему этого, не будь у него велосипеда, милого, доброго велосипеда. Час-другой — и ты уже далеко от пыльного, шумного города! Велосипед подарил ему дядя, — уезжая на заработки, оставил племяннику. Краска на великолепной серой велосипедной раме давно потрескалась и кое-где облезла, стерлись педали, но он, как в свои лучшие времена, мчался по дорогам, летел как птица.

Еще накануне у Игнася даже в мыслях не

было, что он может расстаться с велосипедом. Когда две недели назад Стефан из парикмахерской предложил ему продать велосипед, он только рассмеялся в ответ. Велосипед? Да ни за что в жизни! Ему без колес нельзя! А большое путешествие, которое он задумал?

— Дело хозяйское, — сказал Стефан. — Даю тридцать злотых.

Игнась сел тогда на велосипед и умчался. С тех пор прошло всего две недели. Но сколько перемен в его жизни за это время!

Тридцать злотых — это и квартплата и деньги сапожнику. Комната на чердаке, тесная, с маленьким оконцем, стоила недорого, и знакомый сапожник чинит по дешевке. Стало быть, хватит. Анка спокойно отдохнет в воскресенье.

В придорожных вербах шелестел ветер: ты больше никогда не помчишься вдаль по дороге, никогда не искупаешься в речке на тенистой опушке, не услышишь, как свистит в ушах дорожный ветер!

— А как же Анка, и Зося, и Адась... — сказал вслух Игнась так громко, что ковылявшая по обочине дороги гусыня взмахнула в испуге крыльями.

Он засмеялся и повернул обратно. Пригнувшись к рулю, он мчался в город, который рос на глазах, приближался, становился все отчетливее.

Очутившись в городе, Игнась поехал медленнее. Стефана долго искать не пришлось. Они быстро сговорились. Игнась, позвякивая деньгами в кармане, направился домой.

Дома все были в сборе. Анка хлопотала у плиты, Зося чистила картошку.

— Где ты пропадал?

— О, это целая история! — важно сказал он.

Адась сразу отбросил деревяшки, которые тщетно пытался скрепить кривым гвоздем.

— Какая? Какая? Расскажи!

— Так вот, вышел я погулять...

— Поехал?

— Пусть будет по-твоему, поехал. Еду я по дороге и вдруг вижу: выходит из-за дерева такой солидный шикарный тип.

— И что? Дальше что?

— Снимает шляпу и вежливо раскланивается.

— Да ну, с тобой? — удивился Адась.

— Почему бы нет? Со мной, Игнатием Сельским, собственной персоной. И говорит: «Не соизволите ли, милейший, принять от меня небольшой подарочек? У меня в кармане лишних тридцать злотых».

— Чепуха какая-то! — возмутилась Зося.

— Чепуха? А это что?

Анка с Зосей оторопело смотрели на сверкающие на столе монеты.

— Игнась, что это?

— Квартплата и сапожник, — засмеялся Игнась. И лицо у него просияло, словно он совсем забыл, что значил для него велосипед.

— Игнась, откуда деньги? — встревожилась Анка.

— Убил хозяина лавки, — смеялся Игнась. — Ну что ты делаешь такие большие глаза?

Анка выбежала из комнаты. Заглянула в чулан.

— Игнась! Ты продал велосипед!

— Продал. Ну и что?

— Ничего,— ответила Анка, но на глазах у нее были слезы. Она-то хорошо знала, чем поступился Игнась, отказавшись от велосипеда, сулившего ему так много радостей.

ПОЖАР

Анка уходила на работу в шесть часов утра. До фабрики было далеко, но она шла пешком, денег на трамвай не хватало. Ровно в семь полагалось стоять у машины, наматывающей белую хлопковую вату на большие жужжащие шпульки.

В половине восьмого, громыхая по деревянной лестнице, бежал в школу Игнась.

Зося с Адасем оставались одни. Девочка с важным видом повязывала голубой передничек и принималась за уборку.

— Не вертись под ногами! Не видишь, подметаю!

— Ну оставь хоть немножечко крошек...

— Это еще зачем? Мести надо чисто.

— А если придет... мыша? — задумчиво спросил Адась.

— Какая мыша?

— Обыкновенная. Что она будет есть?

— Нет у нас никаких мышей.

— А вот и неправда. Когда ты подметаешь, мыша пищит. Обижается, что ей ничего не оставили.

— Эх ты, глупенький! Это метла скрипит! Еле держится на палке, надо, чтоб Игнась прибил ее как следует.

— Метла? — разочарованно протянул Адась.

— Не веришь? Вот послушай.

Метла, касаясь пола, в самом деле поскрипывала. Адасть огорчился.

— А я думал, это мыша и она будет наша, собственная. Моя и твоя. И мы будем кормить ее. А потом учить. Они слушаются, правда?

— Наверное. Я сама видела белых мышек у портного. Они были ручные.

Дети помолчали.

— А теперь что будем делать? — спросил Адасть.

— Ты пойдешь играть в садик, а я забегу в лавку.

— А потом я тебе помогу чистить картошку, хорошо?

— Хорошо. Давай, собирайся. Руки вымыл?

— Вот...— Адасть протянул руки, широко растопыбив пальцы, чтобы было видно, какие они чистые, и глубокомысленно сказал: — Все равно в садике испачкаются.

Они спустились вниз. Собственно, садик этот был всего-навсего чахлый куст сирени, одиноко растущий в просторном дворе, где играла детвора со всего дома. Из окна на первом этаже с тоской поглядывал на играющих бледный Хаимек, сын сапожника.

— Смотри мне не испачкайся.

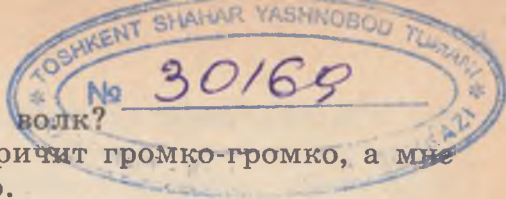
— Не. Ты скоро вернешься, да?

Зося не ответила. Через темную подворотню она вышла на улицу и вскоре вернулась с наполненной доверху кошелкой. Адасть побежал ей навстречу.

— Что купила?

— Картошку и капусту. Побудь здесь, а я вымою окно. Во что вы играете?

— В гуси-гуси и волка. Ты не боишься волка?

— А кто у вас волк?

— Юзек. Он кричит громко-громко, а мне совсем не страшно.

Зося засмеялась и повернула к подъезду. Смешной этот Адашь. Маленький еще, а такой разумный.

Поднимаясь по лестнице, она почувствовала запах гари.

Что это?

На втором этаже гарью потянуло сильнее, и у нее защипало глаза. Что случилось? Внезапно, точно молнией, обожгла мысль: а вдруг это у них в комнате пожар? Нет, не должно быть, огонь в печке давно погас. Гарью тянет откуда-то со стороны.

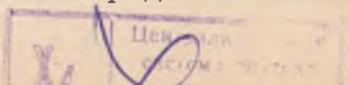
Чем выше Зося поднималась, тем сильнее заволакивало лестницу дымом. «Это из квартиры пани Калиновской», — сообразила она и ужаснулась. В эту пору в квартире оставалась одна старенькая бабушка, прикованная параличом к постели. У Зоси задрожали руки. Она бросила кошелку и кинулась к двери Калиновских. Так и есть — сквозь щель внизу на лестницу ползли струи дыма.

Что делать? Звать на помощь? Но кого сейчас найдешь? Все на работе. Кругом одни дети. А пани Тобякова наверняка пошла стирать. Звать некого.

Она толкнула закрытую дверь. Изнутри донесся слабый стон.

Не раздумывая ни минуты, Зося нажала на дверную ручку и ринулась в квартиру. В лицо ей пахло гарью. От клубов дыма в комнате было почти совсем темно.

— Пани Калиновская! Пани Калиновская! — позвала Зося, ничего не разбирая в густом дыму. Она медленно продвигалась впе-

ред, держа перед собой руки.— Пани Калиновская!

В ответ раздался слабый стон. Зося кинулась туда, больно ушибаясь о мебель, как вдруг споткнулась, чуть не наступив на кого-то. Господи, неужели это пани Калиновская? Загорелся, должно быть, пол возле печки, и больная сползла с кровати, чтобы погасить огонь. Удушливо пахло жженым тряпьем — на старушке уже тлела одежда.

Зося ощупью добралась до окна и толкнула створки. Порыв сквозняка немного рассеял густые клубы дыма. В комнате посветлело, и Зося с ужасом увидела, что по кофте старушки прыгает яркий язычок пламени. Что делать? Где взять воду? Как потушить огонь?

Внезапно, словно озарение, в памяти всплыл рассказ из одной книжки Игнася. Она рывком стащила с кровати одеяло, кинула на старушку и, встав на колени, крепко прижала его руками, чтобы задушить пламя. Ее обдало сильным жаром — это тлели под нею трухлявые, вконец прогнившие половицы, но Зося ничего не чувствовала, не чувствовала и того, что у нее обожжены руки. Вскочив, она схватила стоящее в углу ведро и выплеснула воду на пол. Густой клуб дыма и пара взвился с громким шипением в воздух и осел. В комнате стало почти совсем светло. И тут на лестнице загремели шаги.

— Спасайте! Горит! — кричала дворничиха. За ней бежал еще кто-то.

Когда Зося слышала голоса, когда поняла, что теперь она не одна, ее охватила непреодолимая слабость. Точно сквозь туман, увидела она, как дворничиха вместе с Йоасей со второго этажа несут старушку на кровать,

как мечутся по комнате, заливая пол водой.

— Бедненькая, да у тебя все руки обожжены! Дитя ведь совсем, а в огонь кинуться не побоялась!

— Тут был дым,— тихонько проговорила Зося.

— И дым, и огонь — всего хватало! Если бы не ты, сгорела бы старушка! А так напугалась маленько, только и всего. Ну как, пани Калиновская, что-нибудь болит?

— Нет... Угорела от дыма... Дверца-то печная не закрывается, сколько я говорила: почините. Но никому дела нет. Вот и ушли все, а угли-то и высыпались...

— Звать на помощь надо было!

— «Звать! Звать»! Звала я, да что толку? Кто меня услышит... Сползла с кровати, хотела до печки доползти, да только сил-то нету. И впрямь бы сгорела... если бы не Зося.

Иоася разглядывала Зосины руки.

— Сильно обожгла...

Но Зося почти не чувствовала боли. Ее беспокоило другое.

— Это ничего... Только как мне теперь обед варить?

Иоася погладила ее по голове.

— Не беспокойся, я помогу. А сейчас надо поскорее в аптеку, взять что-нибудь для рук.

Старушка заворочалась на кровати.

— Панна Иоася! — позвала она и вытащила из-под подушки монету.— Скажите аптекарю, пусть даст хорошее лекарство, самое лучшее!

Потупив глаза, Зося слушала слова благодарности и благословения. Она очень обрадовалась, когда пани Калиновская наконец

отпустила ее. Сильно болели руки, а на платье спереди была выжжена большая дыра.

— Пустяки, заштопаем,— успокоила ее Иоася.— А ты молодчина!

То же сказал и аптекарь, смазывая ожоги льняным маслом. А Иоася болтала без умолку. По дороге в аптеку и обратно она успела рассказать про пожар хозяину прачечной, булочнику, зеленщице, ученику из парикмахерской, знакомым. Зося все убыстряла шаг. Ей было неловко, что все на нее смотрят так, будто вдруг заново узнают ее, Зосю Сельскую, вся жизнь которой прошла в этом доме и где ее знали чуть не с пеленок.

Когда наконец она очутилась во дворе, навстречу ей выбежал запыхавшийся Адашь.

— Зося! Как это было?! Юзек говорит, огонь рванул до самой крыши! А с руками у тебя что?

— Зося обожглась,— сказала Иоася.— Ей руки беречь надо. Теперь ты у нее первый помощник!

— Тогда я картошку почищу.

Иоася засмеялась.

— Ну давай почистим вместе!

КУСТ СИРЕНИ

И тут же детвора — шиповник
и калина,
Устами спелыми к ним тянется
малина...¹

Зося опустила книгу на колени.

— Красота какая. Вот бы попасть когда-нибудь в лес...

¹ Перевод М. Павловой.

Анка сделала вид будто не слышит и продолжала чинить свое единственное платье. Что, собственно, она могла ответить сестре? Да, есть на свете леса — про них писал Мицкевич, — наполненные шумом больших деревьев, птичьим гомоном, зеленые, пахучие, прекрасные. Но им не довелось побывать в таком лесу, разве что Игнась забирался в эту даль на своем велосипеде. Она, Анка, знала лес только по книжкам. Да еще мать рассказывала им о лесе — когда-то, еще до замужества, она жила в деревне. Мать помнила свою деревню; придет, бывало, с фабрики усталая, кашляет не прокашляется от хлопковой пыли, но стоит только спросить ее про деревню, как она тут же начинает вспоминать свои родные Заенчники на высоком берегу Буга. Вряд ли ей, сироте, там жилось хорошо, в услужении у чужих людей, но она любила вспоминать те времена. Адасю и Зосе казалось, что они видят широкий Буг, и как пролетают над ним белые чайки, и как собирают чернику в большом лесу, где по тропке в густом ельнике пробирается рыжая лиса.

«Вот наступят лучшие времена, обязательно поедem в деревню», — часто повторяла мать. Но почему-то никогда, даже при отце, лучшие времена не наступали, и в деревню поехать так и не удалось...

— Ты меня слушаешь?

Анка вздрогнула.

— Слушаю, слушаю. Просто задумалась немного.

— О чем?

— Лес вспомнила... и так, вообще...

— Был бы у нас садик такой, как на Слиской, куда пани Тобякова стирать ходит...

Зося подошла к окну и долго смотрела на двор, серый, унылый, зажатый каменными стенами. Во дворе рос один-единственный куст сирени, жалкими веточками приникший к стене.

Где желтый курослеп в гречихе снежнобелой,
Где клевер покраснел, как юноша несмелый...—

произнесла Зося запомнившиеся ей строчки из «Пана Тадеуша».

Она не понимала всех слов, не знала, что такое курослеп, гречиха, но, конечно же, это было что-то удивительно красивое. Вроде тех цветов в витрине цветочного магазина.

Игнась поднял голову от тетрадки. Когда он делал уроки, то ничего не слышал вокруг, хоть из пушек пали. Но почему-то сейчас печальный голос Зоси пробился к нему сквозь математические премудрости.

— Распустила нюни! Вот устроим тебя в лагерь на будущий год, и лес увидишь, и все. А курослеп, если хочешь знать, самый обыкновенный цветок.

— Самый обыкновенный!.. Попробуй найди у нас во дворе этот самый обыкновенный цветок.

Зося готова была расплакаться. Почему-то именно сегодня, читая «Пана Тадеуша», она особенно остро ощутила, что ее обделили: сколько она помнит себя, вокруг сплошные серые стены, а ведь есть же где-то леса, поля, реки!

— Хоть бы наша сирень распустилась...

— В октябре-то?

— Нет, конечно, но весной...

— Странно, что она вообще еще жива,— заметила Анка.

И в самом деле, бедному кусту приходилось нелегко. Детвора постоянно забиралась на его слабые ветки, всякий проходящий мимо норовил сорвать листочек, а земля вокруг была замусорена, вытоптана и тверда как камень. Случалось, невзначай брошенная тряпка повисала на кусте, ломая ветки и закрывая его от проникавших во двор скудных солнечных лучей.

— Придумала! — вдруг радостно объявила Зося.

— Что придумала?

— Вот сделаю так, что наш куст распухнет весной не хуже других.

— Сделаешь? — удивился Адазь, широко раскрыв голубые глаза.

— Сделаю, а ты мне поможешь, хорошо?

— Помогу,— серьезно ответил мальчик, хотя не понимал, как он должен помочь. Неужели Зося хочет заколдовать куст?

И вовсе нет. На следующий день, прибрав в комнате, Зося взяла братишку за руку и отправилась с ним на квартиру к дворнику.

— Здравствуйте,— вежливо сказала она.

Дворник не отличался приветливостью и вечно бранил детей.

— Чего тебе?

Зося объяснила ему, что хочет убрать мусор вокруг куста сирени, окопать его, и просит одолжить ей лопату и грабли.

Дворник, недовольно бурча, пошел в чулан и принес все, что нужно.

— Смотри, верни все в целости.

Вернет, конечно, вернет, не сломает! И Зо-

ся, вскинув на плечо лопату и железные грабли, устремилась в дальний угол двора.

Вблизи куст сирени выглядел еще более жалким. Уныло поникли поломанные сухие ветки, нелепо торчала метелка рыжих семян — все, что осталось от кисти цветов, которой удалось зацвести весной, — а на кривом стволе виднелись следы перочинного ножа.

— Что будем делать? — спросил Адашь.

— Вскопаем землю. Видишь, как каменная!

— Тогда я сначала сгребу мусор!

— Осторожно, не напорись на грабли!

Адашь покосился на сестру.

— Никакой я не маленький, это я только с виду такой, — сказал он, надув губы, и принялся старательно сгребать мусор.

Чего там только не было! Черепки от разбитой кружки, ржавая проволока, битый кирпич, тряпки, бумага! Сирень росла прямо на свалке!

Зося начала вскапывать землю. Из всех сил нажимала она ногой на лопату, и та с противным скрежетом вонзалась в твердую глину. Девочка вся взмокла, прежде чем окопала куст. Адашь разрыхлил землю граблями.

Моросил мелкий дождик, и двор, когда они пришли сюда, пустовал. Но вскоре возле них собралась кучка ребят. Поначалу мальчишки подтрунивали над Зосей: мол, тоже мне, нашла садовница, — но потом дружно принялись спасать сирень.

Владек старательно полил землю у куста и срезал поломанные ветки острым перочинным ножом. Сын дворника Генек забил в землю палку и привязал к ней кривой ствол. И неожиданно получилось так, что даже сорван-

цы, от которых кусту доставалось больше всего, захотели хоть чем-то ему помочь.

— На зиму неплохо бы утеплить соломой.

— Дурак! Это розы утепляют, не сирень!

— А сирень что, не замерзнет?

— До сих пор не замерзла, значит, не замерзнет.

— Вот и готово! — обрадовалась Зося. Ей казалось, что сирень теперь выглядит совсем по-другому.

— Готово! — насмешливо подтвердил Рудек из подвала. — Самое время снова ломать.

Владек растолкал детей и стал возле куста.

— Слушайте все, — начал он торжественно. — Зарубите себе на носу: кто вытопчет землю или сломает хоть одну ветку, будет иметь дело со мной.

— Ишь какой, — пробурчал Рудек, но Владек будто и не слышал.

— Зато весной у нас зацветет сирень! Вот будет красотища!

— Да, да! — горячо подхватила Зося, а за ней и остальные девчонки.

— Владек, марш домой! Дождь!

Это жена слесаря, высунувшись из окна, сердито звала сына. И вправду, шел сильный дождь, которого они даже не заметили. Ребята мгновенно разбежались.

Адась семенил за Зосей.

— Завтра, когда проснусь, сирень уже зацветет?

— Нет, глупенький! Она зацветет только весной! Еще будет ноябрь и зима, еще много-много воскресений и только потом весна!

— Но тогда уже наверняка зацветет?

— Наверняка,— подтвердила Зося и крепко обняла братишку от радости, что весной на их дворе зацветет лиловая сирень.

ПРОИСШЕСТВИЕ

В то время когда Игнась занимается в школе, Зося убирает и стряпает, Анка работает на фабрике, Адасть играет во дворе. Каждый день он разглядывает куст сирени. А вдруг сирень все же надумает и распустится! Неважно, что по утрам заморозки все сильнее и, как говорит пани Тобякова, зима на носу!

Все так и шло своим ходом, пока однажды не случилась беда.

Дело в том, что Адася уже с давних пор тянуло на улицу. Разумеется, он бывал там и с Зосей, и с Анкой, но ему хотелось совершить такой поход самостоятельно, как это делают большие ребята. И не только большие. Эдек, к примеру, не старше его, а говорят, уже катается на трамвайной колбасе. А вот его, Адася, мальчишки вечно дразнят, говорят, что он маменькин сынок. Он самый младший, часто хворал, и мама ужасно за него боялась. А теперь сестры. И потому он как будто все еще маленький.

На улице интересно. Катят телеги, время от времени промчит автомобиль, из-за угла, точно громадный гудящий жук, ползет трамвай.

Неудержимо манит темный проход подворотни. Адасть знает, что ему туда нельзя. Зося сотни раз повторяла: «Не смей ходить на улицу!» Но удержаться нет сил.

«Всего на минуточку», — уговаривает он себя, с тревогой поглядывая на окно под крышей: только бы Зося не вздумала посмотреть, что он делает!

Но в окне никого не видно, и Адасть, отряхнув с рук песок, выходит на улицу.

На улице шумно, сегодня базарный день, с площади едут крестьянские телеги. Адасть стоит и глазеет. Лошади, которые тащат эти телеги, все разные: бурые, гнедые, сивые. Незаметно для себя мальчик шагает на мостовую.

— Эй, поберегись! — раздается у него над головой окрик.

Адасть быстро отскакивает назад, прямо под велосипед. И вот он лежит на мостовой, кружится голова, ему очень больно. Кто-то ругается, кто-то громко говорит, но слова не доходят до сознания мальчика...

Острая боль заставляет его очнуться. Какой-то высокий дядя наклонился над ним и ощупывает ногу.

— Тихо, Адасть, тихо, — говорит Зося, крепко обнимая брата.

Адасть чувствует на лице капли, но это не дождь. Это плачет Зося. Мальчик оглядывается. Вроде бы он не на улице, но и не дома. Сквозь громадные матовые стекла проникает солнечный свет. В большой комнате хлопочут женщины в белых халатах.

— Домой хочу, домой! — кричит Адасть.

— Тихо, тихо, это больница, — шепчет Зося, с опаской поглядывая на доктора. Ее ведь не хотели впускать сюда, хотя добрые санитары «скорой помощи», приехавшей за Адаем, разрешили ей ехать с братом в больницу.

Вот и теперь доктор смотрит на нее и говорит:

— Тебе пора домой. Мальчику надо вправить ногу. Перелом. Ссадины на голове пустяковые, быстро заживут. Иди домой, передай отцу, чтобы пришел.

Губы у Зоси задрожали.

— У нас нет папы...

Доктор растерянно поглаживает свою небольшую, подстриженную клинышком бородку.

— М-да... Тогда пусть придет мать.

Зосины глаза, не успев обсохнуть, снова наполняются слезами.

— Мамы у нас тоже нет...

Доктору становится явно не по себе.

— Может, Аня придет? Аня — это наша старшая сестра, — объясняет Зося.

— Конечно, конечно, пусть приходит, — обрадовался доктор. — А ты беги домой. И не бойся. Этого молодого человека мы в обиду не дадим.

Зося робко двигается к выходу. Вслед ей несется полный отчаяния крик Адася:

— Зося! Зося! Домой хочу!

Подхлестываемая этим криком, она выбегает из больницы. Что же будет? Перелом... Анка уже дома, она, наверное, все знает...

Да, Анка все знает. Вечером она идет в больницу. Возвращается мрачнее тучи. Дела у Адася неважные. Возможно, он навсегда останется хромым. В комнате на чердаке на этот раз до поздней ночи не ложатся спать.

Утром Анка с тяжелым сердцем идет на работу. Побежала бы к братишке. Но нельзя. Надо работать, да и посещать больных разрешается только два раза в неделю, после обеда.

Быстро возвращаются шпули, быстро нама-

тываются нити, Анка не отходит от прядильной машины, связывает разорванные нити. И так изо дня в день, а в мыслях одно — Адашь.

Мальчик все лежит и лежит в больнице — нога срастается плохо.

Наконец он возвращается домой, бледный, худой, и сильно хромает.

— Это пройдет, — сказал доктор. — Необходим массаж и электропроцедуры.

Тут Анка и вовсе приходит в отчаяние: ведь за время болезни Адася они и так задолжали в лавке, взяли займы у жены булочника, — у них нет ни гроша. Неужели Адасю суждено на всю жизнь остаться хромым?

Все заботы, все огорчения, которые она пережила до сих пор, меркнут в сравнении с тем, что мамин любимец Адашь никогда не будет таким, как другие дети, никогда не сможет бегать и над ним станут смеяться мальчишки.

От этих мыслей Анка бледнеет и худеет. У нее покраснели веки — по ночам она плачет тайком, зарывшись в подушку.

— Что-то с тобой неладное творится, Анка, — замечает прядильщица с соседнего станка, Куровская.

Анка опускает руки.

— Братишка...

Слова застревают в горле. Но добрые глаза Куровской светятся таким участием, что скованность проходит. Анка торопливо, пока не разорвалась очередная нитка, рассказывает ей все: про отца и мать, про братьев и сестру, про их жизнь в комнате на чердаке. Куровская внимательно слушает.

— Зря ты ничего не сказала раньше...— говорит она под конец.

— Зачем? — невесело спрашивает Анка и снова торопится к машине, ловит нитки, быстро связывает их дрожащими пальцами. Только не прозевать бы, нельзя, чтобы у нее вычли из зарплаты сейчас, когда на счету каждый грош.

Куровская молчит, она, как и Анка, поглощена работой. Но дня через два кто-то стучится к ним в дверь. Анка отворяет: на пороге Куровская и ткачиха Ковальская.

— Вот тут наши женщины фабричные собрали немного денег в прядильном, ткацком и упаковочном. Тебе, на эти самые массажи.

Анка непонимающими глазами смотрит на женщин, будто видит их впервые в жизни. А ведь это с ними рядом работает она по восемь часов ежедневно. Куровская, с седеющими на висках волосами, и веселая худая Ковальская.

— Чего стоишь? Бери!

Но руки у Анки словно одеревенели. Потеряв терпение, Куровская кладет деньги на стол. Мелкие, стертые монетки по пятьдесят грошей, по одному золотому, деньги, заработанные тяжким трудом.

— Как же это... как же...— растерянно повторяет Анка.

Но Куровская решительно машет рукой.

— Да не стой ты как истукан! От беды не убережешься, как тут не помочь друг дружке? А уж нам, фабричным, иначе и нельзя.

Анка беззвучно шевелит губами.

— Не дури! Случись у кого из нас беда, и ты, если сможешь, в долгу не останешься!

Деньги мы от чистого сердца дали, по-братски, хотя мы не мужики, а бабы.

У Анки дрожат руки. Резкий голос работницы напоминает голос матери: «Нет, неправда это, что человек человеку волк».

Анка смотрит на деньги: это здоровье Адася, вылеченная нога, конец беды.

— Как мне вас...

— Ладно, ладно, и не вздумай благодарить.

Они уходят. Анка долго еще сидит за столом.

Она вдруг как бы другими глазами увидела женщин со своей фабрики. Они выручили ее из беды, все, сообщая: женщины из прядильного, из ткацкого и даже из упаковочного цеха, совсем чужие, узнав про ее горе, пришли на помощь.

«Как большая семья», — подумала Анка.

И здесь, в доме, тоже были близкие, добрые люди. Усталые, издерганные, они часто ссорились, могли и обидеть невзначай. Но пришла беда, и в каждом из них пробудилось столько доброты и участия! «Все люди — братья!» — думает Анка.

Х А И М Е К

Адась поправляется медленно. Вначале он передвигается на костылях, затем — опираясь на палку. И наконец уже без всякой палки выходит из дома.

— Только смотри, будь осторожен! — увещевают его Анка и Зося.

— Я всегда осторожный. — Адась широко

разводит ручками.— Честное слово, всегда... Это тот на велосипеде был неосторожный.

И снова, как прежде, Адашь играет во дворе. Но за ворота его больше не тянет — слишком дорого обошлось ему знакомство с улицей.

Во дворе собирается вся детвора. Возле других домов есть зеленые дворы, скверы, где можно поиграть. Но от них парк далеко, улица скучная и грязная, а в доме полным-полно детей. По деревянным галереям, которые тянутся вдоль всех этажей, с громким топотом носятся неугомонные ребята.

Матери выходят из себя:

— Не путайся под ногами!

— Не морочь голову!

— Ну-ка, быстро во двор!

Попадешься не вовремя под руку — схлопочешь подзатыльник. Поэтому, если дома дел нет, лучше всего удрать во двор. Здесь собираются дети со всех этажей. Из обоих подъездов. Впрочем, не все — Хаимек, сын сапожника, только глядит из окна на их игры.

Во дворе есть куча песка, здесь играют малыши; песок остался с тех пор, как построили сарай, задней стеной выходящий во двор. Здесь можно прыгать, бегать, играть во всякие игры. Сын дворника Генек забирается на крышу сарая и прыгает оттуда вниз, другие на это не отваживаются. Генек — самый старший. Вообще-то есть дети и постарше его, но большие мальчишки, такие как, например, Игнась, не признают двора.

— Это для сопляков, — говорят они, предпочитая пустыри подальше от дома.

А малыши довольны: им куда спокойнее без больших мальчишек.

С тех пор как Адашь выздоровел и снова стал играть во дворе, Зося то и дело подбегает к окну взглянуть, как он там. И Анка, как бы ни устала она на работе, непременно спускается вниз во двор.

Как-то она заметила в окне сапожника бледное личико Хаимека, не сводящего громадных черных глаз с играющих во дворе детей. Он тоскливым взглядом следит за их беготней, а когда Генек громко считает: «Энеки, Бенеки, ели вареники», — шевелит губами, словно повторяя слова считалки.

— Почему Хаимек с вами не играет? — спрашивает Анка, когда запыхавшийся Адашь подбегает к ней.

— Он больной, ему нельзя, — объясняет мальчик.

Но когда через несколько дней Анка возвращается с фабрики, она застаёт Хаимека во дворе. Дети играют, а он робко жмет к стене и смотрит на них широко раскрытыми глазами.

— Ты почему не играешь? — спрашивает Анка.

— Он бегать не умеет, — быстро отвечает Стефка, а Генек тут же добавляет:

— Мы с евреем не водимся.

Анка, будто не слыша слов Генека, берет Хаимека за руку.

— Ты правда не умеешь быстро бегать?

— Я болел, мне нельзя, — тихо говорит Хаимек, низко опустив голову.

— Вот видите, он болел. Ведь Адашь тоже недавно совсем не мог бегать. Но ты, наверное, умеешь делать что-то другое? Верно, Хаимек?

Хаимек медлит с ответом, переступает с ноги на ногу.

— Я знаю сказки... разные... И настоящие

истории тоже. Когда я болел, сестра приносила мне книжки из библиотеки. Много книжек. И я все запомнил.

Генек больше не корчит презрительные гримасы. Он прислушивается. И остальные ребята тоже. Анка крепче сжимает руку мальчика, желая его подбодрить.

— Сможешь рассказать?

Печальное личико Хаимека оживляется.

— Конечно, смогу! Я ведь дедушке всегда рассказываю, дедушка слепой, он не может читать.

Дети окружают Хаимека плотным кольцом.

— Про Али-Бабу можешь?

— Про Али-Бабу тоже. Но сейчас я прочел про диких гусей, как один мальчик путешествовал с ними...— неуверенно говорит Хаимек.

Детские глаза горят любопытством. Единственной книгой во дворе был до сих пор старый календарь. Но в самой интересной истории не хватало последней страницы, и никак нельзя было узнать, чем же она окончилась. А этот Хаимек, подумать только, говорит, что прочел много книжек!

Анка кладет руку на плечо мальчику, и это придает ему смелости:

— И еще... я умею делать солнечные часы... Нет, не сейчас, их надо до полудня делать, когда солнце.

— Не врешь? И время показывают? — наперебой спрашивают Генек и Сташек, они-то как раз больше всех приставали к Хаимеку.

— Завтра увидите,— говорит Анка.— А теперь поиграйте. Не обязательно все время

носиться. В «краски» можно поиграть, в «золотое колечко»...

Анка уходит наверх. Хаимек остается с детьми.

Сперва он выбирает себе красную краску, потом держит золотое колечко и еще загадывает всем смешные загадки. Крика во дворе стало меньше, а игра идет вовсю.

Адась приходит к ужину довольный.

— Знаешь, он рассказывал про мальчика, которого гномик превратил в гномика, и еще про диких гусей, и про домашнего гуся, который с ними полетел. И еще про ворон, и про лис...

У Адася разгорелись щеки, до того все интересно!

— А завтра он нам солнечные часы сделает. И мы всегда будем знать, сколько времени. И он сказал, что хоть Генек его всегда лупил, он не сердится, пусть эти часы будут и для Генека.

Анка улыбается брату. Рассказывая, мальчик размахивает руками, захлебывается от восторга. Игнась и тот поднял голову от учебника и слушает.

Адась уже уснул, и тут раздается стук в дверь — сапожник, отец Хаимека, принес ботинки.

— Сколько я вам должна? — спрашивает Анка.

— Сколько должны? — сапожник стоит у порога и смотрит на Анку усталыми, воспаленными глазами. — Ровным счетом ничего. И еще, панна Анка, я хотел поблагодарить вас за моего мальчика.

Анка краснеет.

— Что вы...

Сгорбленный сапожник качает головой.

— Уж как я убивался, как переживал! Болел он, да и вообще слабенький, а все к детям тянется. Дети его дразнят, сын дворника бьет, никто с ним играть не хочет. Выйдет, бывало, во двор и сразу с плачем обратно. А сегодня пришел веселый, весь вечер, говорит, с детьми играл..

— Так и должно быть,— вставляет Анка.

— Может, и должно,— соглашается сапожник,— но раньше-то не было, вот сегодня только.

— Хаимек так хорошо играет с детьми.

— Почему бы нет? Он добрый ребенок, послушный. А они его так дразнили...

Анка стоит в нерешительности, не зная, что еще сказать этому сутулому печальному человеку.

— Спасибо вам, панна Анка, за моего мальчика. Теперь все будет по-другому. Раньше он все дома сидел, а у нас теснота и воздух от кожи тяжелый. И он от этого все кашлял и кашлял... Так что если понадобится обувку починить, то я всегда... Вам ведь, панна Анка, тоже нелегко живется,— говорит сапожник, обводя взглядом комнату.— Ну, мне пора. Еще раз спасибо вам за моего мальчика.

— Не за что,— тихо произносит Анка.

— Ох-хо-хо,— качает головой сапожник.— Есть за что, и еще как! Говорят, дескать, все люди братья. А мой-то мальчик только и слышал от детей, что он не такой, как все. А теперь увидели, что он такой же, как все,— и сказки знает, и игры разные...

Сапожник ушел. «Как хорошо,— подумала Анка, улыбаясь,— что маленький Хаимек

больше не будет стоять у стены сарая один-одинешенек. Ведь это верно — все люди братья».

ПАНИ КАЛИНОВСКАЯ

— И что с ней будет, с нашей пани Калиновской! — говорит на лестнице расстроенная Тобякова, сложив, по обыкновению, руки под синим полосатым передником.

— А что случилось? — недоумевает толстая пани Матильда, жена булочника.

— Так вы, пани Матильда, ничего и не знаете? Дочь-то ее в больницу увезли, а детей родственники забрали на Долгую улицу, старуха одна осталась, как перст! С постели ей не подняться, что будет делать, ума не приложу!

Пани Матильда тяжело вздохнула, а Тобякова продолжает:

— Будь у меня время, забежала бы к ней, подсобила, но куда там, после стирки со своим хозяйством не успеваю управиться...

Голоса соседок затихают. Но слова пани Тобяковой еще долго звучат в ушах у Зоси.

Все верно. Когда случился пожар, старушка на руках доползла к печке. У нее ведь ноги не ходят, к постели прикована, что же теперь будет?

Зося тихонько подходит к закрытой двери и стучится.

— Войдите, — произносит знакомый голос.

Она входит в комнату. Так и есть, старушка лежит в постели. Из-под темного платка выбиваются пряди седых волос. Поверх старенького одеяла покоятся сморщенные маленькие руки.

— Это ты, Зося? Подойди, детка. Что у вас слышно?

Зося рассказывает про Анку, про Адася, про то, как хорошо учится Игнась, а сама тем временем оглядывает комнату. Кругом грязь и запустение, не то что в их комнатке. Она, правда, и маленькая, зато чистая и уютная.

Ведро возле печки наполнено углем, но, видно, давно не топлено, в комнате холодина.

Зося принимается растапливать печку: пани Калиновская поначалу противится, но потом притихает, смотрит, как девочка хлопочет.

— Вот заболела моя Маня, и я лежу тут одна-одинешенька.

— Ничего, я приберу, сразу веселее станет. И обед, какой-никакой сварить бы надо.

Так оно и началось. Вечером Зося рассказывает Анке про старушку Калиновскую.

— Все ты правильно сделала, — говорит Анка. — Вот только обед лучше бы здесь у нас общий готовить, а потом ей отнести, чтобы возни поменьше. Так она с нами вместе и прокормится.

Зося радуется. Утром она берет к старушке Адася — сильно похолодало, и во дворе ему делать нечего.

И вот — подумать только — оказывается, пани Калиновская, как и мама, родом из деревни.

— Милая, да мы все когда-то сюда из деревни за лучшей долей потянулись, — объясняет она.

Адась собрался было узнать, нашла ли пани Калиновская эту лучшую долю, но Зося вовремя дернула его за рукав.

И еще оказалось, что старушка очень лю-

бит детей. Знает множество интересных историй и охотно смеется вместе с Адасем.

Она сидит, откинувшись на подушку, Адась пристроился рядышком на стуле.

— Ну-ка, Адась, скажи, что это такое: в лесу росла, листвою шумела, в село пришла, загудела!

Адась долго соображает.

— Корова! — наконец выпаливает он с торжеством.

Пани Калиновская смеется тихим, тоненьким смешком.

— Корова-то росла в лесу?

— Дерево.

— Дерево в селе загудело?

Адась никак не может отгадать.

— Это же свирель!

— Какая еще свирель?

— И впрямь, откуда тебе знать, что такое свирель. Ну, дудочка такая!

Так обычно кончаются их разговоры с Адасем. Пани Калиновская вздыхает. По деревне скучает, догадывается Зося. Вот так же и мама скучала.

Но пани Калиновская устраивается поудобнее в постели и заводит речь совсем о другом. Зося ждет не дождется ее рассказов. Старушка помнит много-много интересного. Каждый год, каждый месяц, каждый день, прожитые за долгую жизнь, разматываются в рассказах старой женщины словно клубок, который потянули за нитку. И нитка эта все меняет окраску — то тянется серая, печальная, то сверкнет всеми цветами радуги. «И как это один человек мог пережить так много?» — удивляется Зося.

— Когда мы поселились на той квартире,

на Сливской... Дай бог памяти, сколько лет прошло?.. Ого, порядочно. Была я тогда не больно уж молодая, но еще и не старая... На ткацкой фабрике работала, на станке.

— Как наша Анка,— робко вставляет Зося.

— Ты что, Анка ведь в прядильном. Да разве нынче это работа? Восемь часов — и домой. А мы с утра до ночи стояли у станка, и мастер был строгий, ох и строгий! Не то что словечком перемолвиться, дохнуть не давал! И фабрика другая была, это уж потом громадные цехи понастроили. И народу меньше работало, а работу легче было найти, чем теперь... погоди, о чем это я рассказать хотела... ага... Муж мой тогда тоже на ткацкой фабрике работал...

И пани Калиновская начинает свой рассказ о стародавних временах.

— Как-то раз говорит мне мой Ян, муж, значит, так, мол, и так, Малгося, меня Малгожатой звать, надо бы отнести один сверток к знакомым. Я сразу смекнула, о чем он. Потому время тогда было такое: рабочие с царем воевали.

— И войска у них были? — спрашивает Адашь.

— Какие там войска! У царя были, а как же, а у рабочих только собственные руки. А на той фабрике, где мы с мужем работали, все страх как на царя злобились! И мой чем-то таким занимался, но я не спрашивала, знала: дело это секретное. Но полиция что-то учуяла, слежки были, приходилось держать ухо востро. А тут аккурат понадобилось оружие в одно место пронести, покушение готовилось на одного самого что ни на есть изу-

вера. Взяла я оружие и несу. Несу, значит, сверток, иду медленно, как ни в чем не бывало. А по спине мурашки бегут. От тяжести этой и от страха семь потов с меня сошло. Все мне чудилось, вот только взглянет кто на меня, сразу поймет: баба-то, никак, оружие несет!

— А дальше? Дальше что?

— Да ничего, принесла куда положено и оставила. А теперь вот лежу в постели, больная, ноги будто чужие, и диву даюсь — неужто это и впрямь я, та самая, что когда-то со Сливской улицы через весь город с оружием шла...

Старушка задумалась.

— Или вот еще... Жил у нас молодой парень, веселый такой...

Как интересную сказку, слушает Зося эти давнишние истории, которые для пани Калиновской все еще близки и живы.

Разноцветной мозаикой предстает долгая жизнь — свадьба в деревне, молодая девушка, пляшущая до упаду всю ночь напролет; грохот ткацких станков и склонившаяся над ними женщина; наконец, убогая, унылая комната и парализованная старушка в постели. Эти три женщины — все та же пани Калиновская.

Зося смотрит на сморщенные дрожащие руки, на старое морщинистое лицо. Каждая морщина — отметина, оставленная жизнью на когда-то гладкой коже. Тяжкая, непростая была эта жизнь. Троих детей вырастила пани Калиновская, «в люди их вывела», а теперь лежит парализованная и рядом с ней — никого.

— Да, Маня добрее всех, но она в боль-

нице, и никому я не нужна. Сыновья разъехались, переженились, один в Америке, вроде неплохо ему живется, но про старую мать даже не вспомнит.

На глаза у Зоси навертываются слезы. Она заботливо поправляет больной одеяло.

— Добрая ты девочка, и все вы душевные, о старухе позаботились. Ох, нелегко жить на свете... больным да старым.

Зося не находит что ответить. А ей так бы хотелось утешить старушку! Уж очень обидно за нее.

Ведь пани Калиновская, не разгибаясь, работала всю жизнь не для себя — для других, для тех детей, которых «в люди вывела». Разве не заслужила она спокойного пристанища, получше этой тесной комнатухи, и настоящей сердечной заботы?

Но пани Калиновская долго огорчаться не умеет. Несмотря на все невзгоды, жизнерадостности ей не занимать. Махнув рукой, она говорит:

— Эх, заладила старая брюзга. Хватит. Лучше расскажу-ка я вам, как однажды меня мальчишки в деревне напугали.

Адась, забыв про дрова, которые он складывал возле печки, бежит к кровати. Из прежней истории он мало что понял, и ему она быстро наскучила. А вот эта, дело другое. Он прислоняется к спинке кровати — весь внимание.

— Вышла это я раз вечером из дома: во дворе что-то скрипнуло и отец велел взглянуть, не отперта ли конюшня...

Течет рассказ... В комнате чисто, уютно. Весело потрескивает огонь в печке. И старушка, глядя на лица сидящих рядом детей, за-

бывает про свои невзгоды и заботы, словно поубавилось лет, что легли ей на плечи тяжким грузом.

ПРОСТОЙ СИТЕЦ

Как-то, возвращаясь с фабрики, Анка задержалась у витрины магазина. За стеклом в ярком свете лампочек переливались всеми красками ткани: одноцветные и в цветочек, в горошек, в полоску, со всевозможными узорами.

Рядом с Анкой остановились две девушки.

— Какая тебе больше нравится?

— Не знаю... Эта в горошек вроде ничего... Или вот эта, с красными маками, видишь?

— Да это же простой ситец, — с пренебрежительной гримаской сказала другая девушка.

Анка ушла. Но слова девушки еще долго звучали у нее в ушах. И особенно живо они всплыли в памяти на другое утро, когда, миновав ворота в высокой фабричной стене, она принялась за свою повседневную работу.

«Простой ситец»... Наверняка та девушка и понятия не имела, что такое простой ситец. Точно так, как не имела об этом понятия Анка, когда мать рассказывала ей про фабрику. Понять это можно лишь на собственном опыте.

Однажды Анка пошла в кино. Показывали фильм про негров. Быстро мелькали на экране кадры, Анка увидела, как растут на полях кусты хлопчатника и как из спелых бурых коробочек выбивается белая хлопковая вата, как собирают ее в громадные корзины негры —

мужчины, женщины, дети. Прямо-таки чувствовалось, какая там жара — экран слепил солнечным блеском, на небе ни облачка. Под этим знойным небом, под палящими лучами солнца собирали хлопок негры, и пот заливал им глаза. Потом хлопок упаковывали в громадные тюки — пароходы увозили их в дальние страны. С пароходов портовые рабочие грузили тюки на поезда, и хлопок продолжал свое путешествие. Наконец, доверху груженный грузовик подкатывал к фабричным воротам, но тут уж можно было обойтись без кино — Анка сама знала, что происходит с хлопком дальше.

Мягкую хлопковую вату проворно щиплют руки работниц, ее расчесывают искусные машины, затем механические прялки, которые обслуживала Анка, вытягивают ее в длинную-длинную, то и дело рвущуюся нить, она наматывается на жужжащие шпули, чтобы потом отправиться в ткацкий цех. Там под громкий стук рам склоняются над станками ткачи и ткачихи. Из ткацкого цеха готовые куски ткани идут в красильню — помещение с цементным полом, где в громадных чанах кипит краска, а густой пар застилает все вокруг. Потом наступает черед сушильни, за ней — упаковочного цеха, и только после этого «обыкновенный ситец» попадает в магазины, где ловкие руки продавщиц раскладывают ткани в витрине.

«Сколько же концов пришлось мне связать, чтобы напрядь ниток на одно ситцевое платье?» — прикидывала Анка, хотя знала, что все равно не сосчитать — нитки рвались так часто! Чтобы получить готовую ткань, кто-то целый день склоняется над рамой ткац-

кого станка, дышит горячим паром в красильне, гнет спину в упаковочном цехе.

Анка на минутку распрямила спину и окинула взглядом цех. В воздухе носилась белая хлопковая пыль. От гудящих под потолком вентиляторов мало проку — пыль сильнее. Всё кругом — даже волосы и лица работниц — стало каким-то бесцветным и серым от этой разъедающей глаза и оседающей в легких пыли.

«Съест тебя хлопок», — вспомнила Анка горькие слова пожилой работницы. И в самом деле, было похоже, что всех их съедает хлопок.

Громко прогудела фабричная сирена.

— Кончай работу! — крикнул проходивший по цеху мастер, и, словно по мановению волшебной палочки, разом прекратился гул и стук машин. В привыкших к неумолчному шуму ушах странно зазвучала тишина — она казалась очень громкой.

Людская волна выкатилась в большие фабричные ворота. Анка торопливо повернула в свою сторону, хотя товарки уговаривали ее хоть немного пройтись с ними. Что ж, они, верно, могут себе это позволить, но ей надо спешить домой. Как там дети? Не случилось ли чего? Еще помнилась ей та минута, когда она узнала о беде с Адасем.

Дома все в порядке. Игнась делает уроки. Зося штопает чулки. Адась играет с приبلудным котенком, который однажды во дворе увязался за Зосей да так и остался у них насовсем.

— Ешь быстрее! — обернулся Адась к сестре. — Помнишь, ты мне что-то обещала.

— А что? — удивленно спрашивает Анка.

— Вчера обещала. Нет, не вчера. Это когда шел дождь, и ты не пустила меня во двор.

— Ага, теперь помню!

— Вот видишь. А сама говорила: обещанное надо выполнять.

— Ладно, ладно, расскажу тебе сказку.— Только про что? — раздумывала вслух Анка, поглядывая на Адася, который в нетерпении топтался возле ее стула.

— Все равно. Только чтоб длинная была, до самого конца улицы!

— Лудить! Паять! Горшки чинить! — донеслось вдруг со двора.

— Ой, лудильщик! А наша голубая кастрюля прохудилась! — кинулась к окну Зося.

Вскоре на лестнице послышались тяжелые шаги. Лудильщик взял кастрюлю и хотел было унести ее на лестницу. Но было холодно, и Анка удержала его дома. Он сел на низенькую табуретку возле печки и принялся за работу. Адась, забыв про сказку, с любопытством наблюдал за ним.

— Заделаем дырку, и кастрюля будет как новая, — сказал лудильщик.

— А проволока для чего?

— Чтобы скреплять. Вот разбился глиняный горшок, и пиши пропало. А я скреплю его проволокой, и станет он крепче нового.

Адась взглянул на стоптанные, изношенные ботинки лудильщика и подумал: нельзя ли скрепить их проволокой? Лудильщик перехватил взгляд мальчика.

— На мои ботинки смотришь! Нет, тут проволокой не поможешь. Отслужили они свое. Длинный путь отшагали.

— Издалека вы?

— Точно, издалека, — сказал лудильщик,

но вдаваться в дальнейший разговор не пожелал.

Он заделал дырку в кастрюле, взял деньги и ушел. И вскоре в соседнем дворе послышался его голос:

— Лудить! Пяять!

Тут Адазь вспомнил про Анкино обещание.

— Анка, а сказка?

Анка устала, и ей не хотелось рассказывать. Но надо было чем-то занять неугомонного братишку.

— Ну вот, слушай. Жила-была кастрюля, ее сделали на фабрике и отправили в магазин. Стояла она на плите, варили в ней картошку и суп. Пока не прохудилась. И загрустила кастрюля, что ее выкинут на помойку. Но тут как тут появился лудильщик и починил кастрюлю. И завтра Зося сварит в ней суп!

— Никакая это не сказка! — возмутился Адазь. — И совсем неинтересно.

— Неинтересно? А ведь не приди лудильщик, мы остались бы завтра без супа. Зося, ты что собираешься завтра варить?

— Суп... нет, суп был вчера. Пожалуй, кислые щи...

— Вот видишь? Твои любимые! А ведь не будь лудильщика, не было бы кислых щей!

Это Адазь понравилось.

— Не будь угольщика, не было бы угля, — сказал он.

— Угольщик только разносит уголь. Это шахтер добывает его в шахте.

— А кто главнее всех?

— Как это главнее? — не поняла Анка.

— Ну кто делает самую главную работу?

— Все одинаково главные, — задумчиво

сказала Анка.— Вот у нас, смотри. Печник сложил печку. Столяр сделал стулья, стол и комод. Каменщик сделал стены и потолок, маляр их покрасил, рабочие на фабрике сделали лампу, в типографии напечатали учебник, по которому занимается Игнась. Ты только подумай, сколько людей поработало, чтобы мы вот так, все вместе могли сидеть здесь за столом.

— А я не работаю!

— Ты еще маленький. Подрастешь и тоже будешь работать.

— А ты на своей фабрике кем работаешь?

— Я прядильщица, я нитки связываю. Не будь ниток, не было бы ткани. А не будь ткани, во что бы мы одевались?

Анка улыбнулась. Только сейчас она уяснила себе, что ее работа тоже важная. Такая же важная, как любая другая, и в каждой из них заложены умение, тяжелый труд, частица человеческой жизни.

Е Л К А

Адась не знал, что такое неделя.

— Неделя — это от воскресенья до воскресенья,— объяснила ему Зося.

Но он никак не мог взять в толк и, как тогда с сиренью, каждый день ждал, что завтра будет елка.

— Столько еще этих неделев, никак их не делается меньше! — сердился он.— А нельзя, чтобы елка была сейчас?

— Нельзя. Только на рождество,— сказала Анка и помрачнела.

В прошлом году у них была елка и рождественский ужин, мама испекла пирог с повидлом. Что будет в этот раз? Как ни сэкономила хозяйственная Зося, денег едва хватало. А маленькому братишке так хотелось елки и праздника и всего, что он запомнил по прошлому году. Анка никак не могла собраться с духом и сказать ему, что от этого, наверное, придется отказаться.

— Генек говорит, у них елка будет под потолок. А Стефка звезду в школе делает, всю из золота. Сказала, повесит ее на самую верхушку, но елка у нее будет не такая большая, большую она не хочет. Говорит, ей больше нравится маленькая.

Анка промолчала. В субботу, когда она уходила на работу, Адашь, который в это время обычно еще спал, сел в постели.

— Анка!

— Что? Спи, спи, рано еще!

— Анка! Не покупай мне больше конфет! Хорошо?

Анка удивилась. Что стряслось с маленьким сластеной? Обычно он дожидаться не мог субботы, когда ему перепадал кулек мятной карамели.

— Эти деньги, что на конфеты, отдавай мне! Хорошо?

— Зачем тебе деньги?

— Не скажу. Это будет секрет. Дашь деньги?

— Дам, дам,— успокоила его Анка.

И после обеда в руке у Адася очутилось двадцать грошей.

— Так и не скажешь, зачем они тебе?

— Нет. Сейчас я скажу только Зосе, без

нее не получится. А потом и ты увидишь. Это большой секрет.

Анка не стала больше расспрашивать. А в понедельник Адасть и Зося отправились в магазин.

На прилавок перед ними выложили целый ворох рулонов разноцветной тонкой бумаги. У Адася, когда он касался этого радужного чуда, от волнения руки дрожали.

— Вот эту, эту! Смотри, какая красивая!

— Сначала посмотри всё, тогда и выберем,— посоветовала Зося, потому что брат приходил в восторг от каждого рулона и готов был купить всё подряд.

— Красную возьмем обязательно.

— А зеленую?

— Не стоит. Слишком темная. На елке не будет видно.

— А розовую?

— Хорошо. И желтую, и голубую.

— Еще эту. Она какая?

— Оранжевая. Ну и хватит. Да, еще белая!

— И еще какую?

— Денег не хватит, Адасть. Бумага по три гроша за рулон, у нас осталось всего два.

На эти два гроша продавщица добавила им несколько золотых бумажных звездочек. Адасть запрыгал от радости.

— Пойдем скорее! Начнем делать, только Анке ни слова! Ведь это секрет!

Дома они сразу принялись за работу. Вернее, принялась Зося, Адасть в своем усердии непрерывно мешал ей.

— Почему так режешь?

— Так надо. Это будет гирлянда.

— Красная? Всю бумагу изведешь!

— Не жадничай. Она будет из кусков разного цвета.

— Ты их склеишь?

— А как же! Сейчас клейстер заварю.

— А еще что сделаем?

— Зонтики. Из палочек и тонкой бумаги.

— Они красивые?

— Очень. Сам увидишь.

— А ты почему так режешь?

— Так надо! Отстань!

Адась замолкал. Но ненадолго.

— Перережешь, ой! Перережешь!

— Не перережу. Будешь надоедать, брошу все, и конец!

— Больше не буду. Давай, настругаю палочек для зонтиков?

— Только не порежься. Надо вот так...

— Тоненькие такие?

— Это же не всамделишные зонтики!

Работали они усердно. А перед Анкиным приходом сложили все в картонную коробку и спрятали под кровать.

— Ничего не скажу! Ничего не скажу! — напевал Адась, когда Анка ела свой поздний обед.

Зося украдкой толкнула брата.

— Что толкаешься! Я ведь ничего не сказал.

— Чего не сказал? — поинтересовалась Анка.

— Ничего! Жди, когда все будет готово, тогда узнаешь.

Анка засмеялась. Видно было, какого труда стоило Адасю хранить тайну. И она не стала больше расспрашивать.

Хуже получилось с Игнасем. Вернувшись из школы, он стал искать молоток, чтобы

починить дверь — она покоробилась, и в широкую щель сильно задувало с лестницы.

Игнась наклонился и заглянул под кровать.

— Туда нельзя! Там не трогай! — завопил страшным голосом Адасть и кинулся к брату.

— Ты что, спятил? Чего орешь?

— Туда нельзя! Там... секрет!

— Нужен мне твой секрет, — буркнул Игнась, вытаскивая картонную коробку.

— Нельзя! Не тронь!

Но было уже поздно. Зашуршала гирлянда, и разноцветное содержимое коробки открылось глазам Игнася.

— Это на елку, — разревелся Адасть. — Это секрет!

— Не плачь, — успокаивала его Зося. — Игнась нам поможет.

— Но ведь елки не будет, — сказал Игнась. Адасть даже побледнел.

— Как не будет? Уже есть гирлянда, и зонтики, и корзиночка... А елка потом, когда рождество, так Анка сказала.

Игнась стоял в раздумье.

— Ну что, Зоська, как нам быть?

— Может, у Анки хоть немного денег найдется?..

Игнась замотал головой.

— Откуда? Мы за уголь еще не расплатились.

Адасть плакал в голос. Как же это, так все хорошо получалось, и вдруг ничего?!

— Не реви! Что-нибудь придумаем!

— Что?

— Секрет. Скажу, когда будет готово! — засмеялся Игнась, что-то замышляя.

На другой день после школы он отправился на площадь за костелом. Прошел мимо ларьков, сверкающих елочными украшениями, и, свернув в небольшую аллею из тесно установленных в два ряда елок, быстро разыскал пана Гжегожа, отца своего школьного товарища.

— Ты что тут делаешь? Выбираешь елку? — спросил пан Гжегож, отесывая крестовину.

— Да нет. Мне бы подработать.

— Подработать, говоришь, ну что ж, сообразим! Конечно, всем хочется, чтоб праздник был как у людей.— Пан Гжегож задумался.— Если кто купит елку, можешь отнести. Да только как бы тебя вон те ребята не прогнали, они тут с утра стоят.

Игнась оглянулся. Несколько оборванных, продрогших мальчишек, чтобы согреться, топтались на месте, ждали, не понадобится ли кому поднести елку.

— С чего бы им меня прогонять? Начнет народ покупать елки, всем работы хватит.

— Крестовину подогнать сумеешь?

— А как же!

— Рука у меня отморожена, одному трудно. А Вицек не помощник, заболел он. Я бы подкинул тебе пару монет — много не дам, на елках какой уж заработок! Ну а кроме того, можешь себе выбрать елочку.

Игнась обрадовался. Как раз это и было ему нужно, да и не придется отнимать заработок у мальчишек.

До рождества оставалась без малого неделя. После обеда Игнась каждый день бежал на площадь, отесывал крестовины, подгонял их, вставлял елки. Случалось ему и отнести

елку — тогда заработок увеличивался. По вечерам он помогал торговкам складывать лотки — и от них ему тоже кое-что перепадало. Правда, от этого немного страдали уроки, но Игнась успокаивал себя: «Это ненадолго, после праздников все наверстаю».

Как-то торговки подарили ему лист серебряной бумаги, и Зося склеила большую звезду на верхушку елки.

— Точь-в-точь как у Стефочки! — радовался Адасть.

Игнась тихо совещался о чем-то с Зосей, но Адася они не подпускали.

Анка была удивлена, что дома никто даже словом не обмолвился о наступающем рождестве. Конечно, обидно, что у них не будет праздника, но что поделаешь? В прошлом году, да, в прошлом году все было иначе.

Ее удивляло, что Адасть перестал считать недели и дни, что Зося чем-то постоянно озабочена, а Игнась почти не бывает дома. Но задумываться над этим было некогда. К тому же она немного простыла — легкое ветхое пальтишко не спасало от зимних холодов, — и ей нездоровилось. В последнее время, вернувшись с фабрики, она обычно сразу ложилась спать.

В сочельник все почему-то проснулись рано, даже Адасть уже встал, когда она уходила.

— Сегодня я вернусь раньше, — сказала Анка, — мы работаем до двенадцати. А потом пойду помочь пани Матильде, она просила.

Младшие обменялись многозначительными взглядами, но Анка ничего не заметила.

— Хоть облатку куплю, как-никак сочель-

ник, — сказала она и ушла, быстро закрыв за собою дверь: Адашь сейчас расплачется, чем ей его утешить?

В комнате закипела работа.

— Адашь, ты мне поможешь убрать! Игнашь, дай деньги, я куплю все, что нужно. Ты уже уходишь?

— Да, сегодня самая торговля, наверняка еще подработаю.

— И елку принесешь? — беспокоился Адашь.

— Принесу! Принесу! Я еще вчера ее выбрал и поставил в сторонку.

Игнашь нахлобучил шапку и помчался вниз так, что лестница загудела.

— Сейчас уберем, а потом я пойду в лавку.

— Меня возьмешь?

— Нет. Всюду такая толчея, чего доброго, тебя задавят. Я мигом. Куплю и вернусь. Так что не вздумай выходить.

— Тогда я буду клеить звездочки на зонтики.

— Хорошо, клейстер там, в кружке.

Адашь рьяно взялся за дело, и все звездочки были приклеены еще задолго до того, как вернулась Зося.

— Что принесла?

— Много всего. Сейчас развернем.

— Ой, что так пахнет?

— Селедка.

— Будет селедка?

— Обязательно. Ее вымочить надо. Налей в мисочку воды.

— А еще что будет?

— Капуста с грибами и клецки с маком.

— Мак у тебя есть?

— Есть. Всего понемногу, но будет насто-

ящий праздничный ужин, как в прошлом году.

— А пани Калиновская будет?

— Нет, разве ты не знаешь, что ее сын — ну тот, что жил в Америке, — вернулся и взял ее к себе?

— Правда? Значит, вы вчера с Анкой про это говорили? Как все это было?

— Слушать надо, тогда бы знал. Дай-ка мне лучше вон ту миску, нужно мак натоloch.

Работа закипела. Около одиннадцати на минутку забежал Игнась. Он принес на плече небольшую, но пушистую, зеленую елку. Адаь даже взвизгнул от радости.

— А тут вам свечки. Десять! Когда вернусь, прикреплю проволокой к веткам.

Свечки были витые, цветные.

— Зося, знаешь, у нас будет настоящий праздник!

— Самый настоящий! Еще какой! Возьми тряпку и вытри стол, клеенка грязная.

— Только бы Анка раньше не пришла!

— Не бойся, не придет. Я просила пани Матильду задержать ее подольше.

Весело потрескивал огонь в печке, булькала капуста, вкусный грибной запах разносился по всей комнате, когда на лестнице слышались шаги.

— Анка!

Зося выбежала на лестницу.

— Анка, Аночка, мы тебя очень-очень просим, не заходи домой. Иди к пани Матильде!

— Хорошо, но я хотела чуть отдохнуть.

— Золотая, родная, милая, отдохни там! Сюда нельзя. Я тебя очень прошу!

— Весь секрет пропадет! — захныкал

Адась, и Анка волей-неволей повернула обратно.

«Что же там такое? — думала она. — Наверно, Зося приготовила какой-то необыкновенный обед, но из чего? Денег я оставила ей не больше, чем всегда...»

Она тоже приготовила им сюрприз — купила конфет и пряников. Праздник есть праздник.

Уже в сумерках Игнась постучал в дверь к булочнику, где Анка заканчивала уборку.

— Анка! Пошли!

Пани Матильда поблагодарила Анку и дала ей большой пирог с золотистой румяной корочкой.

— Это вам на праздник, — сказала она.

Обрадованная Анка поднималась по лестнице. У Игнася был очень таинственный вид.

— Что вы там затеяли? — спросила у него Анка.

— Ничего.

— Как ничего? А почему не пустили меня домой?

Игнась не ответил, широко распахнулась дверь. Анка как вкопанная остановилась на пороге. На комод, убранная разноцветными гирляндами, красовалась елка. Стол был выдвинут на середину комнаты, на нем стояло большое блюдо, а на блюде — две жареные селедки.

— Что это?

— Праздничный ужин! — громко кричал Адась, подпрыгивая от радости. — Настоящий праздничный ужин!

И был настоящий праздничный ужин, и были настоящие подарки — шарф для Анки, платок для Зоси, чулки для Адася.

«Только Игнась остался без подарка», — расстраивалась Зося.

Но Игнась не унывал. Он зажег свечки на елке, и в маленькой комнате на чердаке зазвучала веселая колядка.

Это и вправду был самый веселый день в комнате на чердаке — самый веселый из всех, прожитых ими после смерти матери.

Потрескивали свечки, хрустели на зубах пряники, в печке горел огонь, было так хорошо, так уютно!

— У нас настоящий праздник! — сказал Адазь и дал котенку жареной селедки. Пусть знает, что сегодня сочельник!

ТЕЛЕЖКА

На третьем этаже жил пан Ян, он торговал фруктами. Но теперь заболел, и его тележка, на которой он обычно возил свой товар, стояла в глубине двора, в сарайчике, запертом на висячий замок. Однако Генек пробрался и туда.

— Ребята, скорее ко мне!

Его сразу окружили мальчишки. Теперь, когда похолодало и выпал снег, матери больше не выпускали малышей во двор, и там играли большие мальчишки. Порой они поднимали такой шум, что из дворницкой выбежал дворник с палкой и, громко бранясь, разгонял их. Ребята разбегались, как потревоженные воробьи. Но стоило высокой фигуре дворника скрыться в подъезде, и игра начиналась снова.

— Сейчас я вам что-то покажу!

Мальчишки и вместе с ними Игнась смот-

рели с любопытством. Что опять придумал этот Генек?

— Глядите.

Двери сарайчика прогнили от старости, и скоба едва держалась в трухлявом дереве. Замок еще висел на ней, но достаточно было немного потянуть дверь, чтобы она открылась.

Осторожно, оглядываясь, не смотрит ли дворник, мальчишки проскользнули в темный сарай.

— Тише! Отец скоро уйдет — и тогда порядок! А пока не шуметь!

Они на цыпочках двигались в темноте. До чего тут было интересно! В углу свалена всякая рухлядь, у стены инструменты, по правую сторону от дверей — деревянные части старого столярного верстака, а против входа — тележка, на которой пан Ян возил фрукты.

— Тихо! Отец!

Они замерли на месте. Сквозь щели в дощатых стенах сарая Игнасю видно было: вот дворник вышел из дома и оглядел двор, словно недоумевая, куда могли подеваться мальчишки, только что шумевшие под окнами. Однако посмотреть в сторону сарайчика он так и не догадался и, немного помедлив, направился к воротам.

— Налетай, ребята!

— Здесь! — торжествующе заорал Генек.

— Генек, зачем твоему старику это сверло? Возьму, а? — спросил Стефек.

— Не трожь, а то всыплю! Отец недавно его купил!

Углы сарайчика были затянуты паутиной, везде лежал толстый слой пыли — сюда давно никто не заглядывал.

— Ой, здесь кто-то есть! — пронзительно закричал Франек.

— Дурак! Кто тут может быть?

— Вон шевелится!

— Это я на дышло тележки наступил! — объяснил Игнась.

Ребята с облегчением рассмеялись, потому что на какое-то мгновение им стало не по себе — в пыльном, захламленном сарае было темно и жутковато.

— Давай возьмем тележку?

— Зачем?

— Покатаемся по двору!

— Идет! Игнась, тяни за дышло!

Колеса тележки увязли в каком-то тряпье, и ее с трудом удалось сдвинуть с места.

— А теперь, опля, через порог!

Порог был высокий. Несколько пар рук подтолкнули тележку, она подпрыгнула и очутилась во дворе.

— Тележка-то еще вполне... — с видом знатока заявил Франек.

— Садись!

Франек охотно забрался в тележку, за ним еще двое.

— Поехали!

Мальчишки с хохотом тащили тележку. Но потом кататься пожелали все, а тащить было неохота.

— Эй, ребята! Залезай! Надо взять разгон, и она сама покатится.

Шестеро мальчишек, сильно оттолкнувшись, прыгнули в тележку. Она быстро покатила вперед, пока дышло не уперлось в стену сарайчика. Раздался треск.

— Сломалась?

— Нет, порядок! Поехали!

— Вот сломаете, влетит вам от пана Яна! — заметила проходившая через двор Стефа.

— Не суйся! Не девчоночье это дело! — крикнул Манек.

Стефа пожала плечами и пошла дальше. Но ее слова несколько умилили пыл ребят.

— А что, если и вправду выйдет?

— Не выйдет. Больной он. У нас через стенку слышно, как он кашляет.

— Кто едет? Садись! — командовал Генек. — Побыстрее, отец скоро вернется!

Снова застучали колеса по расчищенному от снега двору, и снова дышло ударило о стену дома.

— Хорошо, в стекло не попали, — заметил Франек; дышло ударило совсем рядом с подвальным окном.

— Что-то треснуло! — забеспокоился Стефек.

— Да ну, ничего не видать! Ерунда! Поехали!

В этот раз тележка свернула куда-то в сторону и сильно накренилась под тяжестью ребят. Генек перелетел через невысокий бортик, а с колеса свалился обод.

— Ой, что теперь будет?

— Ничего! Прокатимся еще разок, а потом запрем тележку в сарае, и шито-крыто.

— Дышло тоже треснуло.

— Подумают, разохлось.

— Стефка проболтается.

— Не проболтается. Струсит. Ну, поехали!

Скособоченная тележка сдвинулась с места.

— Стоп!

В эту минуту в дверях флигеля появилась худощавая фигура. Мальчишки замерли — это был пан Ян, хозяин тележки.

Первым опомнился Генек. Он спрыгнул с тележки и мигом улизнул на улицу. За ним Франек. Но остальные, и с ними Игнась, стояли, точно оцепенев.

Старик, покашливая, медленно шел к ним. Из-под густых бровей смотрели небольшие серые глаза. Серые клочки давно не бритой бороды торчали во все стороны.

Как будто не замечая мальчишек, он остановился и начал разглядывать тележку. Колесо ни к черту, и дышло треснуло. Старик обернулся и позвал хриплым голосом:

— Хеля! Хеля!

На лестнице застучали шаги, и из подъезда выбежала маленькая девочка, лет восьми, внучка пана Яна. Увидев замеревших в молчании ребят и сломанную тележку, она остановилась.

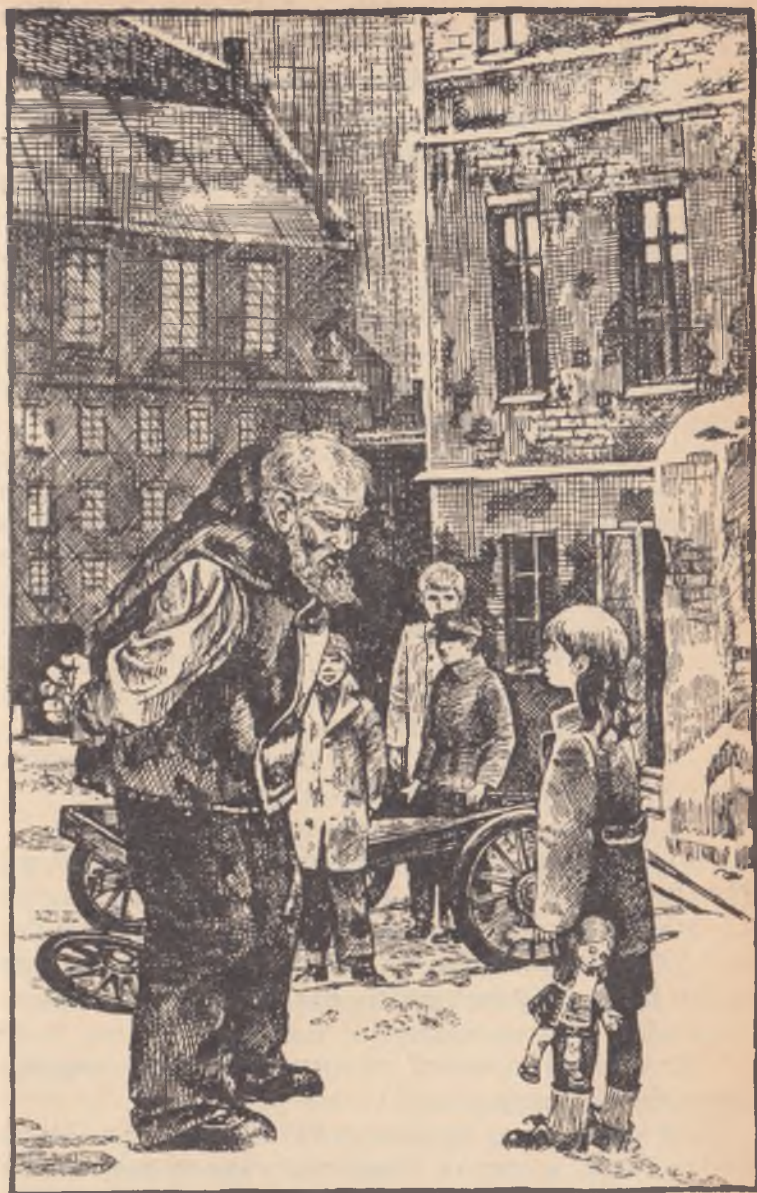
— Поди сюда, Хеля,— сказал пан Ян и закашлялся.— Погляди. Это наша тележка?

— Наша,— ответила испуганная девочка.

— Дедушка на ней возит по улицам фрукты, продает яблоки, чтобы заработать тебе и себе на жизнь. Верно?

— Да,— робко подтвердила Хеленка, не понимая, в чем дело.

— Но теперь тележка сломалась. А на починку у дедушки нет денег. Он не сможет продавать фрукты, чтобы купить тебе хлеба. Что же будет? (У Хеленки задрожали губы.) А тележка чья? Дедушкина. Но они не спросили разрешения, взяли, как свою, и сломали. Просто так, чтобы позабавиться. А знаешь,

Хеленка, кто так поступает? (Девочка молчала.) Так поступить может только очень плохой и нечестный человек. Пошли домой.

Игнась стоял весь красный от стыда. Он готов был сквозь землю провалиться. Все что угодно, пусть бы с крыши свалился кирпич и убил его наповал, только бы не слушать спокойных, горьких слов старика. Кричи он, ругайся, как это часто, без всякого повода делал дворник, и то было бы легче!

Шаги старика и его внуки давно затихли на лестнице, а мальчишки все еще стояли и смотрели на развалившуюся тележку.

— Это все Генек... — выскочил Стефек.

Но никто ему не ответил. Ведь они все вместе волокли тележку из сарая и катались на ней, а что Генек, старше, что ли, и умнее всех, чтобы его слушаться?

— Ребята... — неуверенно начал Игнась.

— Ну что?

— Надо что-то делать...

— Что делать? Денег-то нет?

— Надо сказать. Отец Франека нам поможет, и дворнику скажем, и другим.

— Чтоб каждому взбучка была, да?

— Пускай даже взбучка, — тихо сказал Игнась. — Но так это оставить нельзя.

Незаметно вернулись во двор Франек и Генек. Они промолчали, но в душе согласны были и на взбучку, лишь бы удалось починить злополучную тележку.

Игнась медленно поднимался на чердак в свою комнату.

«И как нас угораздило?» — думал он с отчаянием, а перед глазами у него все стоял худощавый старик, без гнева и злобы смотревший на сломанную тележку.

ЖИЛЕТЫ

Однажды рыжий Вицек, ученик пана Петельки с третьего этажа, прошел с важным видом к воротам и повесил там объявление. На листке бумаги громадными каракулями было выведено:

*Кто хочет заработать
пускай приходит третий этаж
квартира 21.*

У объявления собралась кучка ребят, Вицек отступил на шаг и стал разглядывать свое произведение.

Ребята внимательно прочли написанное, не обращая внимания на ошибки. Всем ведь известно, что Вицек сирота и должен зарабатывать себе на хлеб. Где ему грамоте учиться?

— Вицек, а нам можно?

— А почему нет? Написано же: кто хочет заработать.

— Значит, и дети тоже?

— Тоже.

— А что надо делать?

— Иди наверх, мастер все расскажет.

— И девчонкам можно или только мальчишкам?

— Девчонки даже лучше. Но если мальчишки хотят, им тоже можно.

Больше узнать от Вицека ничего не удалось, он повернулся на каблуках и столь же важно удалился.

А в квартирах, на лестничных клетках, на галереях загудело, точно в пчелином улье.

— Объявление видел?

— Видел.

— Ну и что?

— Кто его знает, что за работа такая?

— А если это шутка?

— Вицеку не до шуток.

— Мастер велел написать, значит, есть работа.

— Надо бы пойти...

С этим были согласны все: надо пойти и узнать, в чем дело. Но почему-то никто не отваживался пойти первым. Так они и стояли, сбившись в кучку под дверью, из-за которой доносилось стрекотание швейной машины.

— Постучи...

— Нет, ты...

— Ты первый пришел, первый и входи!

Наконец Зося отважилась. Тихо, с бьющимся сердцем, она постучала в дверь.

— Войдите! — воскликнул пан Петелька и хмыкнул. Он всегда так хмыкал.

Скрипнула дверь — вошла Зося, за ней протиснулись Стефа и Хеленка, Генек и Сташек и все остальные.

— По объявлению? — спросил официальным тоном пан Петелька и опять хмыкнул. Оробевшая Зося кивнула головой.

— Шить умеешь?

У мальчишек вытянулись лица. Выходит, шить? И как это они раньше не догадались, какую работу может предложить портной.

— Умею, — прошептала Зося. Еще бы ей не уметь! Мало, что ли, перештопала, перечинила она Адасевой одежды!

Тут пан Петелька объяснил им, что получил большой заказ на жилеты. Дело в том, что пан Петелька не шил весь костюм целиком и сам не принимал заказы. От крупных фирм он получал материал на шитье жилетов. Только одних жилетов. А другие портные шили толь-

ко брюки или только пиджаки. И так, по частям, составлялся весь костюм. Потом они продавались в большом магазине, и покупателям было невдомек, что жилет шил в своей комнатушке пан Петелька, брюки — пан Мэранек, а пиджак вечно кашляющий пан Ястшемб из подвала.

Так вот, сейчас пан Петелька получил заказ на жилеты; их надо было сшить много, очень много, чтобы приготовить костюмы к весеннему сезону. А у пана Петельки только один помощник — рыжий Вицек, и они могли не успеть. Поэтому он хотел, чтобы дети помогли ему пришивать пуговицы.

— Ничего больше, только пуговицы и пряжку сзади. А за жилет каждый получит...— Пан Петелька поднял вверх палец, и все замерли в ожидании.—...каждый получит — один грош.

Один грош — это было совсем немного. Но все знали, что за шитье жилета сам пан Петелька получает пятнадцать грошей. Так что если по справедливости, то за пуговицы и не полагалось больше.

— Пришивать надо крепко, аккуратно, ровно. Тому, кто пришьет плохо, больше работы не дам.

Зося согласилась. После обеда у нее оставалось обычно немного свободного времени. Лишний грош никогда не помешает, а пуговицы можно пришить в два счета.

— Только смотри, не испачкай, не залей чем-нибудь, перед работой обязательно вымой руки,— наставлял пан Петелька, передавая Зосе десять жилетов, пуговицы, иголку и нитки.

Вслед за Зосей робко подошла Хеленка.

— Гм. ... больно мала...

— Но я умею! — возразила Хеленка. — И дедушка больной, будет ему помощь.

Пан Петелька кивнул и дал Хеленке пять жилетов.

Снова скрипнула дверь, дети всё заходили и заходили.

— Эх, была не была! — вдруг решился Сташек. — Давайте жилеты! Вицек шьет, а я чем хуже?

Зоя быстро побежала наверх, положила стопку жилетов на стол, вдела нитку в иголку.

Работа оказалась не такой уж простой. Сперва надо было по обметанным петлям точно отметить мелком, куда пришивать пуговицы. И шить было нелегко: иголка с трудом входила в плотную ткань, нитка то и дело рвалась. Пуговиц было шесть. Через полчаса Зоя заработала один грош — пришила пуговицы и пряжку сзади к одному жилету.

У нее болели пальцы от иголки, которая никак не втыкалась в жесткую материю. С ужасом глядела она на стопку жилетов на столе. Сколько же надо времени, чтобы заработать десять грошей? Придется шить до самого вечера, а ведь ей надо еще заштопать чулки Адаю.

За дверью слышались шаги. Это пришла Стефа.

— Много сделала? Один? И я один. Знаешь, я, пожалуй, верну жилеты. Так за десять грошей весь день просидишь. Эта дура Хеленка ревмя ревет, даже к одному жилету пуговиц не пришила, все пальцы исколола.

Игнась поднял голову от учебника.

— Совет хотите?

— Какой?

— Так вы ничего не сделаете. Соберитесь вместе, устроим мастерскую. Работа пойдет как надо!

Девочки недоверчиво глядели на него.

— Чего вытаращились? Говорю вам, позовите сюда этих жилетных дел мастеров, и я покажу вам, как надо работать!

Через минуту комната заполнилась ребятами. Оказалось, никто не успел сделать больше одного жилета. Чуть ли не все подумывали о том, чтобы отказаться от работы.

— Стол выдвинуть на середину! — командовал Игнась. — Ты, Зося, намечаешь место для пуговицы. Стефка, Сташек, Марыся пришивают пуговицы. Генек и Яська — пряжки. Адасть и Хеленка вдевают нитки в иголки. Сядьте по порядку! Сначала Зося — ты отмечаешь и сразу передаешь дальше! Адасть и Хеленка по другую сторону! Вдевайте нитки и кладите иголки на край стола, чтобы каждый мог взять, не теряя времени. Сюда ставьте коробку с пуговицами, а вот сюда с пряжками. Живо!

Дружно закипела работа.

— Быстрее! Быстрее! Я пришиваю уже пятую пуговицу!

— А я шестую!

— Зося, давай быстрее!

— Адасть, нитку подлиннее!

— Надо так отмерить, чтобы нитки хватало на три пуговицы. Длиннее нельзя, спутается.

— Стой! — заорал вдруг Генек.

Все бросили работу.

— Что случилось?

— Работаем, работаем, а дальше что? Теперь не поймешь, кто сколько заработал!

— Все поровну!

— А вот и нет! Один ведь шьет, другой метит, третий нитки вдевает...

— Ну и что? Смотри, как быстро пошло. Вон уже целая куча готовых жилетов.

— Деньги надо разделить поровну, потому что времени на работу поровну у всех уходит.

— Разве это справедливо? — сомневался Сташек.

— Конечно, справедливо! Все работают, все одинаково зарабатывают.

Ребята снова принялись за дело. Игнась, который помогал Зосе метить, на минуту прервал работу, написал на листке бумаги: «Большая портняжная артель» — и повесил этот листок на двери.

А вечером обнаружилось, что нужно идти за новой партией жилетов. Все взятые до обеда были уже готовы.

Х Е Л Е Н К А

Уже три дня как Хеленка не приходит в портняжную артель. Все знают, что Хеленке очень нужны деньги, но дедушке стало хуже, и девочка должна сидеть с ним.

— Слушайте,— сказал Сташек, пришивая последнюю пуговицу к жилету,— как заработок будем делить? Ведь Хеленка три дня не работает?

— Нехорошо это, Хеленку не считать,— сказала Зося огорченно,— она и рада бы шить, да не может дедушку оставить.

— Как же быть?

— А может, так: если кто болен или не

смог прийти, все равно пусть получит свою долю?

— Правильно! Так будет справедливо. Болел же Вицек, а пан Петелька его не выгнал, оставил жить у себя и кормил, хотя Вицек не работал.

— А мы что, хуже пана Петельки?

— Ладно, не орите, я согласен, согласен! — сдался Сташек.

— Надо сказать Хеленке, как мы решили, пусть порадуетя.

— Сбегаю к ней, — предложила Стефа.

— Сбегай. Только быстро возвращайся. Видишь, сколько еще жилетов, а уже вечер!

Стефа пошла и неожиданно быстро вернулась.

— С дедушкой очень плохо.

— Ты сказала Хеленке?

— Нет. Там полно соседок, а Хеленка плачет...

Ребята притихли. Они молча закончили работу и разошлись по домам.

Наутро все уже знали, что ночью пан Ян умер. Никогда больше не покатит он по улицам свою тележку, не будет продавать лимоны и яблоки. А тележку починили. Правда, Генеку отец здорово всыпал за злое озорство. Починенная тележка стояла в сарайчике — но что из этого? Она теперь не понадобится пану Яну.

Все жалели Хеленку, но больше всех думали о ней дети из портняжной артели.

— Помнишь маленькую Маню, у которой мать умерла? Я видел, как она просила милостыню.

— У нее же бабка!

— Ну и что? Бабка сидит без работы,

и Мане приходится побираться, не то старуха выгонит ее на улицу.

Ребята приуныли. Что будет с Хеленкой? Она такая слабенькая, дедушка так заботился о ней.

— А похороны как?

— Хоронить будут за казенный счет, так сказал булочник.

— Мой отец ходил хлопотать, — с важным видом говорит Генек. Впрочем, дети и без того знают: дворник — самое главное лицо в доме.

— Мы все пойдем на похороны.

— Конечно.

— А давайте так решим: будем ходить на похороны вместе, всей артелью.

— Спятил! Ты что, хочешь, чтоб постоянно кто-нибудь умирал? Может, вместо артели устроим похоронное бюро?

Никто не засмеялся, всем было грустно. Ведь там, совсем рядом, сидела возле умершего дедушки маленькая Хеленка, которая осталась совсем одна на свете.

Шитье не спорилось. Стопка готовых жилетов росла медленно. Адашь еле поспевал вдевать нитки, раньше они делали это вдвоем с Хеленкой, теперь он справлялся один.

Тоскливо тянулось время до похорон. После похорон все снова собрались в комнате на чердаке. К работе не притрагивались.

— Что будет с Хеленкой?

В комнате наступило молчание. Стефа всхлипывала. Нос и глаза у нее были совсем красные, потому что она проплакала все похороны.

Ребята нерешительно поглядывали друг на друга.

— Надо что-то делать!

— А что?

— Куда ей деваться?

— Хозяин сказал, что пока не найдется жилец, она может остаться. Охотники на эту дыру не скоро найдутся.

— А есть что она будет?

Они снова замолчали.

Вдруг встал Вицек, обычно самый молчаливый.

— Я вот что скажу: артель развивается, верно?

— Ну и что?

— А то, что мы здорово мешаем. Анка еле живая с фабрики приходит, а тут галдеж. У Игнася стол отняли...

— Не мешаете вы вовсе, — возразила Зося.

— Ну да! Вот и мама говорит: у них дома проходной двор. Не понимаю, как это Анка терпит. А что, если сделать так: работаем у Хеленки, то есть она как бы сдает нам помещение, а мы отдаем ей часть заработка...

— Небось у самого негусто?

— Пусть негусто, но ведь не всем же деньги позарез нужны. Вот Генек, к примеру, — у вас и квартира даровая, и отец жалованье получает, а ты подрабатываешь на всякие там свои расходы. Невелика беда, если получишь меньше.

— И я... — робко вызвалась Стефа.

— Вот видите! Все устроится. Да и садовник обещал нам дать весной работу. Значит, решаем: артель поможет Хеленке, согласны?

— И жена булочника не обеднеет, если будет давать ей кусок хлеба.

— И мы, глядишь, принесем что-нибудь.

— Все поможем.

Лица у ребят просветлели.

— Не допустим, чтобы Хеленка милостыню просила!

В комнате словно стало веселее.

— Справимся? — сомневался Чесек.

— Конечно, справимся! Нас ведь много.

— Смотрите, как здорово получилось с этой артелью!..

Скрипнула дверь, и вбежал опоздавший Сташек.

— Расселись тут, а на лестнице стоит Хеленка и плачет.

— На лестнице?

— Пани Матильда звала ее к себе после похорон, а Хеленка ни в какую, не хочу, говорит. А теперь боится войти в пустую квартиру — стоит и плачет.

Зоя выбежала и вернулась с заплаканной Хеленкой. Но должно быть, она успела рассказать ей все, потому что губы девочки чуть-чуть улыбались.

— Хеленка! Ты теперь дочь артели!

— Опекунов у тебя вагон и маленькая тележка!

— Порядок! Завтра перебираемся к Хеленке!

Оживленные голоса ребят доносились на лестницу. Жена булочника вместе с Иоасей остановились на лестничной площадке и прислушались. Они уже знали, в чем дело, — все новости распространялись в доме с невероятной быстротой.

— Подумать только, панна Иоася, что эта ребятня придумала!

— Вроде шпана шпаной, а на деле неплохие ребята, верно?

— Я так понимаю, что взрослые жильцы тоже не отстанут.

— А как же! Раз все, значит, все! Чтобы и нам перед детьми не краснеть!

Так решилась судьба Хеленки.

П И С Ь М О

Весну дети всегда ждали с нетерпением, но на этот раз в доме было столько дел и хлопот, что они как-то позабыли о ней. Но вот однажды Адасть прибежал наверх, задыхаясь от возбуждения.

— Сирень! Сирень! — взволнованно повторял он.

— Что сирень?

— На сирени почки, слышишь, на нашей сирени!

Зося сбежала вниз так быстро, что Адасть едва поспевал за ней.

Чахлая, почти усохшая сирень решила, видно, отблагодарить ребят. Коричневые веточки были сплошь усыпаны почками.

— Вот-вот будут листья...

— Ну еще не «вот-вот». Почки некрупные.

— Крупные. Тебе подавай как на каштане?

Зося засмеялась и легонько погладила рукой кривой ствол сирени.

— Выходит, скоро весна.

— Через неделю?

— Не знаю, бывает так: вроде уже теплынь — и вдруг снова снег и мороз.

— Не будет такого, — заявил Адасть.

— По твоему хотению!

— Нет. Просто я слышу — всамделишной весной пахнет!

По правде говоря, сильнее всего пахло по-

мойкой и кухонным чадом, но сквозь все это действительно пробивался запах свежести. То ли талым снегом пахло, то ли и впрямь весной?

— Схожу за Хеленкой, пусть она первая увидит. Зося, а сирень и правда зацветет?

— Зацветет. Надо только окопать ее и полить.

Адась поспешил за Хеленкой. Вскоре все узнали про почки на сирени, и ребята друг за другом сбегали вниз, поглядеть на куст.

— Утром они были меньше,— деловито сообщает Адась.

— Глупости болтаешь, они что, за несколько часов выросли?

— А вот и выросли. Помнишь, как на той фуксии, что Анке подарили, за одну ночь цветок распустился?

Почки набухали день ото дня, и не только на сирени. Даже самое хилое деревце, самый жалкий кустик готовился вскоре зазеленеть. У каменной стены во дворе выпустила зеленые перья новая молодая травка.

И вот как раз тогда произошло два события.

Про первое было известно заранее, его ждали. Монастырский садовник договорился с артелью о помощи. Садовник был уже старый, а монастырский сад большой, один он уже не справлялся. Артель взялась помочь ему, и это было куда веселее, чем пришивать пуговицы. Сгребать прелые листья, расчищать дорожки, вскапывать грядки, взрыхлять землю, перемешивать компост. Старый садовник ходил, присматривал за ними, учил, что и как надо делать, и без конца брюзжал.

Это было первое событие. А второе совсем неожиданное. На имя Анки пришло письмо. Но так как она поздно возвращалась с работы, письмо долго лежало на столе. Адася разби-
рало любопытство.

— Откуда оно может быть?

— Придет Анка, прочтет.

— А сейчас нельзя?

— Нет, это письмо Анке.

Адась вздыхал и ходил вокруг стола, по-
середине которого лежал белый, толстый
квадратный конверт с крупно надписанным
адресом.

Когда наконец слышались Анкины ша-
ги, Адась выбежал на лестницу.

— Иди скорее, письмо!

— Какое еще письмо?

— Тебе! Почтальон принес! Я его на стол
положил, оно лежит, а мы не знаем от кого!

— Сейчас! Дай хоть дух перевести.

Анка взяла конверт и долго его разгля-
дывала. Письма в комнате на чердаке полу-
чали нечасто. А после смерти матери, кажет-
ся, и вовсе не пришло ни одного.

Анка осторожно разорвала конверт, выну-
ла листок бумаги.

«Дорогая Анечка, дорогие дети!»

— От кого письмо?

— Подожди, дай прочитать!

— Ну, читай!

— «Дорогая Анечка, дорогие дети! Пишу
вам эти несколько слов, потому что всякое
бывает и по-разному складываются людские
судьбы...»

— Что по-разному складывается?

— Судьбы. Не мешай. «И я вот на старо-
сти лет дождалась счастья. Вернулась в свою

деревню, и теперь мы с сыном хозяйничаем помаленьку. И про то хочу вам написать, что не то на радостях, не то от воздуха деревенского, встала я здесь на ноги и после стольких лет хожу теперь, разве что самую малость на палку опираюсь. И задумала я, чтобы Адашь и Зося приехали к нам на нынешнюю пасху. И посылаю двадцать злотых на дорогу, потому что знаю: живется вам небось так же туго, как в ту пору, когда вы о старухе позаботились, последним куском с ней делились. Я, дети мои милые, никогда этого не забуду и хотела бы очень, чтобы Адашь и Зося приехали, ведь им так хотелось увидеть деревню. А дело идет к весне, у нас тут очень красиво, и я думаю, детям захочется приехать. Тебя, Анечка, не зову, знаю: ты на фабрике работаешь и приехать не сможешь. Но дети пускай приедут. Ты, Анечка, не волнуйся: это не больно далеко и им хорошо здесь будет».

— И все?

— И еще тут написано, как нужно ехать.

— А от кого письмо-то?

— Ой, какой же ты глупый! — нетерпеливо воскликнула Зося. — «От кого, от кого»? От пани Калиновской!

— Правда! От пани Калиновской! — смутился Адашь. Но ведь все в письме было так прекрасно и неожиданно, что его вполне могла написать и добрая фея.

— А деньги, про которые пишет пани Калиновская, они где?

Анка внимательно осмотрела конверт.

— Нету. Наверное, переводом отправлены, значит, завтра придут. Помнишь, когда дядя присылал деньги, они всегда дольше письма шли.

— Ну и что решим?

Анка в задумчивости опустила руку с письмом на колени.

— Как что решим? Поезжайте.

— А готовить кто будет?

— Мы с Игнасем не пропадем.

— А Игнась не поедет?

— Так ведь пани Калиновская его не приглашает. Трое, это многовато, наверное.

— Игнась уже бывал в деревне. На велосипеде.

— Но сейчас у него нет велосипеда.

— Ничего не поделаешь. Игнасю все же проще куда-нибудь выбраться, если он захочет. Надо ехать, раз подвернулся такой случай. А пани Калиновская и вправду вам обрадуется.

С того дня Адась ходил сам не свой. В деревню! Какая она, эта самая деревня? Он изводил Зося вопросами.

— А водопровод там есть?

— Нет.

— А живого аиста увидим?

— Может, увидим. Сейчас весна, должны прилететь.

— А что там еще будет?

— Увидишь. Ждать недолго — всего три дня.

— Вот бы лечь спать и через три дня проснуться!

Три дня пролетели быстро. Дрожа от волнения, Адась и Зося ехали на вокзал, провожали их Анка с Игнасем.

— Станцию не прозевайте! Я попрошу кондуктора, он вам скажет, когда выходить. И не высовывайтесь в окно, а то еще в глаз что-нибудь попадет, деньги не потеряйте и

носовые платки. Передайте привет пани Калиновской.

Шипел пар, стучали колеса. Адасть сидел, прижавшись носом к стеклу.

— Смотри, смотри, какие домики!

— Ой, вода! А над водой мост!

— Ой, деревья! Смотри, это лес!

— Зося, Зося, гляди, какая маленькая корова! Полно маленьких коров!

— Они только кажутся маленькими, просто пасутся далеко отсюда.

— Зося, скоро станция! Значит, нам выходить?

— Нет еще, Анка написала мне все станции. Еще три осталось.

Зеленые луга, узкие речки, густые леса мелькали за окном...

Снова засвистел паровоз. Зося вскочила со скамьи.

— Здесь, наверное!

И тут вошел кондуктор.

— Вам выходить.

Он помог им снять узел с верхней полки. Дети сошли с поезда.

На них пахло теплым весенним воздухом. Высоко в лазурном небе, прямо над маленьким станционным зданием, пел жаворонок.

— Пошли, Адасть! Потом всё посмотрим.

К ним подошел курносый парнишка с кнутом в руке.

— Вы к нам приехали?

— К вам?

— Ну, к Калиновским.

— Да, это мы.

— Тогда пойдем, лошади здесь.

Дети пошли за парнишкой. За вокзалом

стояла повозка, запряженная двумя резвыми небольшими лошадками.

— Это ваши лошади?

— Наши. Садитесь.

Адась умоляюще посмотрел на Зосю.

— Я на козлы, хорошо?

— Садись, садись, только осторожно!

Когда он наконец забрался на козлы, парнишка громко причмокнул, и лошади тронулись с места. Повозка покатилась, подпрыгивая на ухабистой дороге. Дорога быстро вывела их из полей в сосновый лес.

Кругом было удивительно, чудесно, совсем иначе, чем в городе. У Зоси немного кружилась голова. А когда пришлось перебираться через реку на пароме, она умирала от страха, что паром перевернется и повозка, лошади и все они утонут в глубокой, темной реке. Но все кончилось благополучно. Парнишка показал кнутом на холм на другом берегу.

— Вот мы и дома. Там на краю, вон возле тех деревьев,— наша изба. Бабка небось все глаза проглядела, боялась, как бы вы станцию не проехали.

Деревня была небольшая. По обе стороны дороги тянулись избы с гладкими соломенными крышами. У каждой избы — палисадник.

— Вот и бабка, издалека нас увидела,— сказал парнишка.

Зося соскочила с повозки, подбежала к старушке и поцеловала ее сморщенную руку. Пани Калиновская уголком платка вытирала набежавшие на глаза слезы.

Ее сын приветливо встретил детей. Он был румяный, толстый, то и дело громко смеялся.

Рядом с ним пани Калиновская казалась совсем маленькой.

До чего славно было у Калиновских.

Дети скоро пошли спать — после всех впечатлений от поездки глаза у них совсем слипались, и они с трудом понимали, что им говорят.

А следующее утро началось с золотистых, солнечных бликов на сосновом полу и воркования голубей в голубятне под крышей. А потом все было как в самой прекрасной сказке.

Франек — так звали парнишку — показал им гнезда в кустах, и еще они пошли с удочкой ловить рыбу. Поймать не поймали, но даже просто посидеть на берегу было чудесно. Впрочем, чудесно было всё: белые ветреницы в лесном мху, и первоцвет над ручьем, и пушистые барашки на ветках вербы, и самый что ни на есть настоящий аист в гнезде на овине Калиновских.

— А вы не вернетесь больше в город? — спросила Зося у сына пани Калиновской, потому что знала: он ездил в далекие края и работал там в городе.

— Нет. Я хозяйство купил, мать привез, зачем мне город? Крестьянин я, крестьянином останусь. В городе, бывало, все по деревне тоскуешь! У нас, у Калиновских, тяга к земле особая.

Зося не удивлялась. До того красиво было тут, в деревне у реки!

Быстро бежали дни. Адашь загорел на весеннем солнце. Пас коров вместе с деревенскими мальчишками, научился деревенским песенкам. Здесь ему было хорошо.

ПРАЗДНИКИ

Быстро бежали дни в деревне над рекой. Не успели дети оглянуться, как наступила суббота — канун вербного воскресенья.

— Ложись, Адасть, ложись, — поторапливала его пани Калиновская, — завтра утром надо за вербой сбегать.

— Пойдем на озеро, там самая красивая.

— Идите, куда вам охота, лишь бы принесли вовремя.

— Принесем, принесем! — заверял Франек.

— Зося, ты разбуди меня, а то просплю, — беспокоился Адасть.

— Да не проспешь! Завтра чуть свет побежим вместе.

Адасю показалось, что он только-только прижался щекой к подушке, как Зося уже трясла его за плечо.

— Вставай, соня, пора!

Мальчик протер глаза и тут же резво вскочил с постели.

— Собирайся, идем!

Они быстро шли тропинкой по лугу сквозь заросли вербы.

— Смотри, барашки!

— Разве это барашки, — пренебрежительно махнул рукой Франек. — Вот у озера — это да!

Пока они шли до озера, Адасть даже немного запыхался. Но сюда они спешили не зря. Франек быстро срезал перочинным ножиком ветки, на которых белели крупные пушистые барашки.

— Ух, красивые...

— Я же говорил, здесь самые красивые!

— Я отнесу их пани Калиновской.

— Иди, коли хочешь. Но если останешься...

Франек умолк и оглянулся на кусты, не слышат ли его случайно братья Стасяки, срезавшие тут же неподалеку неподатливые ветки.

— А что будет, если он останется? — спросила Зося.

— Отойдем в сторонку, там скажу. Только никому ни слова?

— Никому, ни единого.

Франек с таинственным видом потащил их за куст вербы.

— Так и быть, скажу. Сегодня вербное воскресенье, да?

— Ну да, для чего же мы ветки нарезали?

— Правильно! А в вербное воскресенье что бывает?

— Как что?

— А то, что все клады в вербное воскресенье из-под земли наружу выходят сушиться.

— Какие еще клады?

— А всякие, разные. Все клады из-под земли в самый полдень наружу выбирают и сохнут себе на белых платочках на солнышке. Если кто деньги в землю зарыл или еще что, всё сегодня покажется. Только в этот единственный день в году. Надо быстро снять ботинок и перекинуть через плечо на белый платочек — тогда клад не исчезнет, и его можно взять.

— Сказки рассказываешь, — пренебрежительно заметила Зося.

— Никакие не сказки! Старая Хромоножка, нищенка, собственными глазами видела.

— Так почему не взяла и ходит побирается?

— Да ведь она босиком была, как ей ботинок через платок перекинуть! Посмотрела только, а тут в костеле к обедне звонят! Кончили звонить — глядь! А там уж нет ничего. Она сама рассказывала.

— А где это было?

— Не сказала. Хотела небось на другой год сама за кладом прийти.

— Тогда откуда ты знаешь, где надо искать?

— Я так думаю, что клады упрятаны где-нибудь в лесу или на меже, где камни в кучу свалены... Вот, на том пригорке, что за деревней, есть на меже одна такая куча. Там они сохнут на солнышке, а больше вроде негде. Туда и пойдем.

— А с деньгами что сделаем? — задумался Адашь.

— Найдешь деньги, тогда и думать будем, — отрезала Зося.

Сказано было резонно, и Адашь замолчал. Не теряя времени, ребята поспешили домой, отдать вербу пани Калиновской.

— Красивую вербу принесли, — похвалила она. — Ну, мне пора в костел, а вы тут не озоруйте.

Адашь заговорщически подмигнул Франеку. Но тот, как ни в чем не бывало, уплетал хлеб. Словно и знать не знал ни про клады, ни про вербное воскресенье.

Полдень был еще далеко, когда ребята направились к меже возле леса. Место было ничем не примечательное — груда камней, собранных на поле при пахоте.

— Здесь?

— Здесь.

— Зося, мне страшно!

— Чего бояться? Камни как камни.

— А вдруг земля раскроется, покажутся деньги, и...

— Ничего не раскроется.

— Нет, раскроется! — упрямылся Франек. — Появится платочек, а на платочке деньги. Только бы успеть снять ботинок.

— Я хоть сейчас сниму, — предложил Адасть.

— Нет! Снимать надо, когда деньги покажутся. Иначе все зря. И лучше помолчите, а то не услышим звона.

Они тихонько уселись около камней и стали ждать. Время тянулось нестерпимо долго.

— Слушайте, — шепотом сказал Франек.

Они прислушивались с таким напряжением, что даже в ушах звенело и невозможно было понять, не колокольный ли это звон?

— Звонят!

Действительно, легкое дуновение ветра донесло колокольный звон из дальнего костела. Адасть побледнел, он не сводил округлившихся глаз с груды серых камней.

Колокола отзвонили, Франек махнул рукой и сказал упавшим голосом:

— Нет ничего...

Но вдруг вскочил и наклонился.

— Нашел!

Он держал в пальцах позеленевшую, испачканную землей двухгрошовую монетку.

— Это и есть клад? — разочарованно протянул Адасть.

— Наверно, что-то случилось, и показалась только эта монетка.

— Глупости болтаешь! Кто-нибудь уронил два гроша, здесь же поле, люди ходят, вот монетка и пролежала под снегом всю зиму. Тоже мне, клад нашел!

Но Франек остался при своем мнении. Он аккуратно вытер монетку о штаны и сунул в карман. Впрочем, Адашь тоже не вполне был уверен, что монетка не часть клада.

— Два гроша тоже сгодятся! Лучше, чем ничего! — утешался он на обратном пути.

Пани Калиновская вернулась из костела после полудня. Она дала всем по пушистому вербному барашку проглотить «от хвори». Затем угостила ими коров, а оставшиеся ветки заткнула за святой образ.

— От пожара, от болезней, от беды, от всяческого зла, — сказала она.

В понедельник, после вербного воскресенья, уже по-настоящему почувствовалось приближение праздника. Пани Калиновская развела в громадной лохани известку, добавила синьки и стала белить пожелтевшие за зиму стены. Адашь так и рвался ей помочь, но побелка оказалась делом непростым. С большой кисти во все стороны брызгала известка, а на стене оставались некрасивые, неровные полосы.

— Не по тебе эта работа, нет! — мягко уговаривала его старушка. — Оставь это, только одежду испачкаешь. Лучше-ка Зосе помоги.

Зося и Франек убирали двор. Сперва они нарезали веток в ближнем березняке, связали из них метлы и подмели двор. Подобрали все до единой щепки возле сарая с дровами. Убрали мусор, аккуратно сложили жерди, посыпали песком площадку перед овином. Пан Калиновский одобрительно кивал головой.

— Гляди-ка, городские, а в деревенской работе толк знают! — повторял он.

Адась покраснел от удовольствия. Он хватался за любую работу, мешая всем, пока наконец пани Калиновская не нашла ему дело.

— Я поставлю тесто, а вы будете красить яйца. Марцысю позову, соседку, она покажет...

Но красить яйца тоже оказалось мудреным делом. В городе это, конечно, проще простого — пошел в магазин, купил красок — и готово. Здесь же сперва надо было ножом выкопать корни терновника, из этих корней и луковой шелухи приготовить отвар и опустить в него яйца.

Потом развели сильный огонь в печи. Старушка выгребла кочергой горящие угли и поставила в печь на раскаленные камни хлеб — круглые калачи и большие ржаные караваи.

К празднику все было готово.

Но праздничные дни пролетели быстро. Пришло время возвращаться домой, к Анке и Игнасю.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Когда Зося и Адась вернулись из деревни, город показался им на удивление серым и унылым.

— Зося, смотри, какой у нас двор! Раньше он был совсем другой.

— Раньше... раньше мы не видели деревни.

И вправду, серый, грязный двор, освещен-

ный весенним солнцем, казался еще более унылым. Стены дома облупились от дождей и времени. А до чего противный кухонный запах доносился из открытых на галерею дверей! Когда они вошли в темный подъезд, их обдало промозглой сыростью.

Они медленно поднимались по скрипучей лестнице. Дверь им открыл обрадованный Игнась. Анки еще не было дома.

— Почему не написали? Я бы пришел на вокзал, встретил.

— Мы хотели сделать вам сюрприз, — сказала Зося, оглядывая комнату, будто впервые сюда попала.

— Как все изменилось! — удивлялся Адашь.

Но на самом деле все оставалось по-старому. Это была все та же маленькая, тесная комнатка на чердаке, где они жили с давних пор. Маленькое оконце, выходящее во двор, едва пропускало свет. Пол кое-где прогнил, стены были грязные, в пятнах.

— Грустно здесь как, — проговорила Зося.

Да, все здесь казалось им грязным и унылым после того, как они узнали другое: теплый ветер, проносящийся над зелеными полями, шумную и бурную весеннюю речку, пробивающиеся из-под земли побеги пионов и зеленые листочки ноготков в садике под окнами, запах свежесвеженного хлеба в избе, где на белых чистых стенах висят картинки.

— Подумаешь, важные господа! — сказал с насмешкой Игнась. — Уехали на три недели, и теперь все им не по нраву.

— Да нет же, Игнась, — объясняла Зося. — Мы просто отвыкли.

— Хорошо, потом расскажете, а сейчас я

заварю чай. Небось проголодались. Только за хлебом сбегаю, нет ни кусочка.

— Не надо, мы привезли гостинцы от пани Калиновской.

Зося развязала узел и выложила на стол каравай черного хлеба, творог, фаянсовую кружку, полную желтого масла, и калач, праздничный калач, припрятанный старушкой детям в дорогу.

— А там что у тебя?

— Это Анке! Пани Калиновская сама выткала. Это покрывало на кровать, но может пригодиться и как скатерть. Оно льняное.

Но красивая вещь не вызвала особого интереса у Игнася. Куда больше привлекал его хлеб — он отрезал громадный ломоть и намазал его свежим маслом.

— Вы там каждый день ели такую вкуснятину?

Зосе стало не по себе. Игнась эти три недели оставался здесь, в городе, да и дел по дому у него прибавилось.

Они молча ели хлеб с маслом и творогом. Зося все глядела по сторонам, какая-то мысль не давала ей покоя.

— Игнась, не смейся, но здесь в самом деле очень неуютно. Надо бы что-то придумать...

— Что? Во дворец, что ли, переехать?

— Зачем во дворец? И здесь можно что-нибудь придумать.

Игнась подхватывал любую идею на лету, к тому же он любил мастерить, работа у него в руках спорилась.

— А что? Может, твоя правда. С чего начнем?

Тут на лестнице послышались шаги. Это

возвращалась Анка. Поцелуи, объятия, рассказы о том, как им жилось в деревне, заняли почти весь вечер, лишь под конец речь зашла о ремонте квартиры. Анка охотно согласилась.

— Но только времени у меня нет совсем. Делайте сами, что хотите. Пока вас не было, я отложила немного денег. Пойдут на ремонт.

Зося кинулась сестре на шею.

— Вот здорово! Увидишь, как мы все устроим!

— Хорошо, хорошо! Только не задуши меня! — смеялась Анка. — А теперь спать, у Адася глаза слипаются.

Они легли, но Зося долго не могла уснуть. Думала, прикидывала, что бы такое сделать.

Утром она вскочила пораньше, но все равно пришлось дожидаться, когда Игнась вернется из школы, чтобы с ним вместе обсудить, что можно сделать на полученные от Анки деньги.

Несколько дней подряд они работали не покладая рук. А работа была нешуточная!

Зося часами стояла на коленках — красила светлой краской пол. Зато выглядел он теперь совсем иначе. Игнась тоже немало потрудился, чтобы побелить стены. Получилось не так красиво, как у заправского маляра, но в комнате стало чисто и светло.

Они вымыли окна, выкрасили масляной краской оконные рамы.

Зося накрыла стол льняной скатертью, подаренной пани Калиновской, а Игнась раздобыл где-то глиняный кувшин и поставил на столе букет первоцвета, за которым ездил далеко за город.

— Вот видишь, и дворец никакой не нужен, так здесь теперь красиво!

Все соседи знали про ремонт в комнате на чердаке. Первая прибежала Хеленка и остановилась у порога, от удивления разинув рот.

— Ой, до чего здорово!

Следом за Хеленкой пришли другие дети. Они старательно вытирали ноги перед входом, боясь наследить на свежевыкрашенном полу. Гости заходили, глядели по сторонам, удивлялись.

И снова удивлялись, качали головой, заглядывали во все углы.

— Небось влетел вам ремонт в копеечку! — вздохнул рыжий Вицек.

— Ясное дело, но ведь не зря деньги потратили.

— Теперь к вам и заходить страшно, как бы чего не испачкать! — пошутил дворников Генек.

— Только попробуй! Теперь у нас всегда будет чистота! — с гордостью сказала Зося.

И в самом деле, сейчас куда легче было поддерживать чистоту в комнате. Раньше, бывало, глянешь на покоробленный пол, и руки опускаются, и окно мыть неохота: рама с облупившейся краской остается такой же безобразной. Теперь в комнате все сверкало и сияло. Всякий раз, возвращаясь с фабрики, Анка улыбалась еще в дверях — так здесь стало красиво и уютно.

Пани Матильда, несмотря на свою грузность, тоже взобралась на чердак и долго ахала от восторга. Потом спустилась к себе и вскоре прислала с панной Йоасей красивую вышитую салфетку на комод и картинку на

стену. Игнась осторожно вбил гвоздь, повесил картинку.

— Ну как? Красиво?

Получилось и вправду красиво. На картинке были изображены белые березы на пригорке.

— Совсем как там, в деревне, — обрадовалась Зося. — Правда, Адась?

— Правда, — вздохнул Адась.

Ему вспомнился душистый, теплый воздух, плывущий над полями в вербное воскресенье. Мальчик подбежал к окну и распахнул его настежь.

— Только пахнет здесь совсем по-другому, — вздохнул он снова.

— Хочешь, чтоб как в деревне? Нет уж, тут никакой ремонт не поможет.

— Нечего жаловаться. И так хорошо.

Только сейчас они поняли, что с тех пор, как комната преобразилась, им живется легче. Игнась быстрее справлялся с уроками, когда не видел перед собою грязных стен. Зося веселее принималась за стряпню на сверкающей чистотой печке.

Но больше всех гордился и важничал Адась. Он звал всех по очереди смотреть комнату. Однажды ему удалось затащить наверх самого дворника.

— Красиво у нас, правда? — спросил он важно, а дворник кивал головой и удивлялся.

И М Е Н И Н Ы

— Какое завтра число? — спросил Игнась, стараясь вспомнить, на какой день назначена школьная экскурсия.

Анка подняла голову от шитья, взглянула на календарь, но ничего не ответила.

— Что с тобой?

— Ничего. Завтра мамины именины.

В комнате воцарилось молчание. Верно, маму звали Станиславой. Раньше, когда мать была жива, день ее именин проходил незамеченным. Но теперь, когда матери не стало, им показалось необычайно важным, что завтра ее именины.

Анка взяла в руки фотографию матери. Ту самую, перед которой когда-то торжественно поклялась не отдавать сестру и братьев чужим людям, сделать все, чтобы они могли жить в родном доме. С фотографии на нее смотрели добрые, умные глаза.

У Анки комок подступил к горлу. Как ужасно давно это было, а ведь с того дня, когда они шли за маминым гробом, не минуло еще и года.

— А помнишь, давным-давно на маминых именинах у нас были гости и дядя прислал тогда шаль?

— Какую шаль? — любопытствовал Адашь.

— Ты не помнишь. Тогда ты был совсем маленький. А может, тебя еще и на свете не было...— вспоминала Анка.— Отец созвал гостей, и дядя прислал подарок, шелковую шаль...

Анке вспомнилась мать, веселая, оживленная,— это было еще до смерти отца, до той самой тяжелой поры, что оставила на ее лице глубокие морщины.

— Анка, знаешь что?..— неуверенно начала Зося.

— Что?

Но Зося умолкла. Очень трудно было высказать то, что она чувствовала, что чувствовали все трое.

На лестнице слышались голоса.

— Прямо наказание с этим Генеком, сил моих больше нет! Не слушается, лоб здоровый, хоть убей! Если так дальше пойдет...

Это дворничиха убирала на лестнице и разговаривала с одной из квартиранток. Как всегда, она жаловалась на своего оболтуса-сына. А в комнате на чердаке у детей мелькнула одна и та же мысль: «На нас даже сердиться некому. Мы больше никогда не услышим маминого голоса».

Впрочем, мать никогда их не ругала. Она умела одним словом, улыбкой уладить все споры. При ее жизни они этого не ценили. И только сейчас поняли, какая была у них мать — тихая, всегда чем-то занятая, беззаветно любящая.

Говорить об этом было неимоверно тяжело и трудно. Но думали все, кроме Адася, он был еще слишком мал, чтобы помнить и понимать такое.

Больше всех мучился угрызениями совести Игнась. Он вспоминал многое, о чем сейчас жалел и чего уже нельзя было вернуть. Как он в грязных ботинках входил в комнату и на чисто вымытом матерью полу оставлял грязные следы. Как грубо отвечал, когда мать сердилась, что он после школы не сразу приходит домой. Как лазил по заборам, рвал штаны и мать засиживалась допоздна за штопкой при коптящей лампе, а ведь ей чуть свет приходилось бежать на работу.

Точно живые стояли перед ним добрые, бледно-голубые, красные от усталости материнские глаза.

«Как я мог! Как мог! — твердил он про себя. — Если бы знать, если бы можно было начать все снова».

— Что мы сделаем на мамины именины? — беззаботно спросил Адасть, которому наскучило затянувшееся молчание.

Правда, ведь можно отметить именины матери. Странно, что это никому из них не приходило в голову, когда она была жива, когда можно было ее поздравить, сделать какой-нибудь подарок.

— Пойдем на кладбище, — тихо сказала Анка.

— Тогда я найду к нашему садовнику, — вызвалась Зося, — он обещал дать нарциссов, когда зацветут. А они уже цветут.

Дети молча легли спать с мыслью о матери. Лампа погасла.

— Адасть, помнишь сказку про мать, что искала своего ребенка?

— Ту, про глаза и волосы?

— Да.

— Это у Андерсена? — припомнила Анка.

Выяснилось, что сказку знают все. Про то, как умер ребенок и мать пошла вымаливать его у Смерти. Как она отдала свои прекрасные волосы и свои глаза, чтобы его вернуть. Со всем иначе понимали они теперь эту сказку. Понимали, что рассказано в ней о всех матерях, о том, что ради своего ребенка мать готова на самые большие жертвы.

— Грустная сказка, — сонно пробормотал Адасть, и вскоре послышалось его ровное, глубое дыхание. Мальчик спал.

— А знаешь,— начала было Зося, но Игнась не дал ей договорить.

— Давайте спать. Завтра нам вставать рано.

Анка и Зося понимали, что Игнасю вовсе не так уж хочется спать, но он не может сейчас говорить о матери. Слишком ему больно, он стесняется выступивших на глаза слез, хотя сестры в темноте не могли их увидеть.

Они молча лежали, дожидаясь, пока придет сон.

Утром первой вскочила Зося.

— Вставайте, смотрите, чудесная погода!

И в самом деле, небо было голубое, без единого облачка, теплый ветер колыхал белую занавеску. В такую погоду легче встать, сон как рукой сняло.

— Скорее, скорее, по дороге зайдем к садовнику.

Адась радовался, что они поедут на трамвае. Кладбище было далеко, и, хотя старшие с удовольствием прогулялись бы пешком, из-за Адася решили ехать на трамвае. Для него это было настоящим событием, хотя однажды ему и довелось проехать на поезде в гости к пани Калиновской.

Садовник, поворчав для порядка, дал Зосе большой букет нарциссов, а узнав, зачем ей понадобились цветы, выкопал несколько кустикав распутившихся анютиных глазок и протянул их девочке.

— Те завянут, а анютины глазки будут цвести,— сказал он.— Только как вы их посадите?

— Посадим, посадим,— засмеялась Зося.— Мы ведь видели, как вы это делали!

— Видеть одно, а самому сделать — совсем

другое. Сажать надо не слишком глубоко, но так, чтобы все корни были прикрыты землей, ямку выройте как следует,— учил старик.

Зоя давно знала все это. Она поблагодарила и убежала.

— А теперь на трамвай.

Над кладбищенской оградой свешивались ветки, все в молодых листочках. Посыпанные песком аллеи были почти безлюдны. На могилах распустились первоцвет, анютины глазки, нарциссы.

— Как тут красиво! А вон птичка поет, слышите?

— Должно быть, здесь у нее гнездышко.

— Гнездышко на кладбище?

— Почему бы нет? Ей хорошо здесь — тихо, спокойно, вот она и поет.

Птица выводила радостные трели, тихо шелестели листья на березах, но, несмотря на весеннее ликование, здесь было как-то по-особому торжественно, и они разговаривали шепотом.

Могила матери была в дальней части кладбища, там, где кончались аллеи, по сторонам которых высились памятники из мрамора и песчаника. Все участки так походили друг на друга, что они заблудились. Наконец все же добрались до ее могилы.

Мамина могила оказалась одинокой и заброшенной. Они не приходили сюда со дня похорон Хеленкиного дедушки. Все было недосуг, да и как-то не думали об этом. При виде желтой глины, покрытой порыжевшими еловыми ветками, им стало не по себе.

— На тех могилах столько цветов! — сказал Ада, и сестры восприняли его слова как упрек.

— Ничего, сейчас все сделаем, — захопотал Игнась, заметив, как дрогнули губы у Анки. — Давай, Зося, анютины глазки!

Они посадили кустики анютиных глазок, и нежные, бархатные лепестки заиграли красками на желтой глине.

— Смотрят, точно глазки, — заметил Адасть, и Зося сразу вспомнила вчерашнюю сказку. Да, на одном кустике цветы были бледно-голубые — точь-в-точь мамины глаза.

— Это маме подарок от нас на именины? — радовался Адасть.

Да, маленький Адасть плохо помнил мать, а отца и того меньше. Поэтому он не ощущал свое сиротство так болезненно, как они. Он тут же стал разглядывать цветы на других могилах, а потом, задрав голову кверху, принялся следить за дроздом на дереве.

А они долго стояли молча возле убранной цветами могилы. Говорить не хотелось, они и без того знали, что думают об одном и том же. О маме, которой уже нет. О том, что могли быть к ней добрее, когда она была жива. Но теперь уже поздно.

— Будем приходить сюда почаще, посадим кустик или многолетний цветок.

— Спрошу у садовника, он посоветует. Они снова умолкли. Но подошел Адасть и занял:

— Пойдем. Я уже все посмотрел.

Зося хотела было одернуть брата, но удержалась. Что с него возьмешь, мал еще. Только когда подрастет, поймет, что мать любила его так сильно, как никто и никогда любить уже не будет.

Торопиться было некуда, Игнась медленно брел по улице, думая о том, что ему сказал в школе Янек Рудавский. Речь шла, разумеется, о голубях. Голубей Янека знала вся школа. Всем было известно, что Янек только и думает о своих турманах, сизарях и дутышах. Приметит голубя на другом конце города и не успокоится, пока не заполучит его. Он частенько опаздывал в школу — и все из-за голубей. Все, кто собирался навестить Янека, — а жил он на окраине, на маленькой улочке, — знали, что дома его не застанешь. Обычно он стоял во дворе, запрокинув голову, и следил за кружившей высоко в небе голубиной стаей.

А теперь Янек продавал своих голубей. Всех голубей, которых покупал годами, добывал с величайшим трудом.

— Переезжаем. Голубей держать не разрешают. Дом громадный, солидный, отец будет там дворником.

Янек говорил спокойно, но губы у него дрожали. Мальчишки слушали оторопев. Как же так, Янек Рудавский и без голубей? Такое не уместалось в голове.

— Я вчера всех продал, осталась лишь пара павлиньих — помнишь, они тебе тогда так понравились? Возьмешь?

— У меня денег нет, — сказал Игнась.

— Много не прошу. Пока могу дать просто так. Будут деньги — вернешь. Больно не хочется отдавать в чужие руки.

Игнась вспомнил свой последний поход к Янеку. Тогда по краю крыши, распустив

веером хвост, расхаживал нахохлившийся голубь. Он потешно ворковал, поглядывал вниз забавным круглым глазком.

Неплохо бы иметь такую парочку. Но где ее держать? Дворник наверняка не разрешит. То, что Янек готов сейчас дать ему голубей просто так, ничего не меняет. Ведь какие-то деньги все равно заплатить надо — откуда их взять?

Он шел, зажав под мышкой учебники и тетради, ничего не замечая.

Вдруг над самым ухом он услышал крик. Взревел автомобиль, и только тогда до сознания Игнася дошло, что он гудел и раньше. Мальчик отпрыгнул в сторону. Громадный темный автомобиль, едва не задев его, круто свернул вбок, послышался грохот и звон разбитого стекла.

— Сопляк, куда идешь! — крикнул шофер.

Лишь тогда Игнась понял, что произошло. Он шел не по той стороне и чуть не угодил под автомобиль. Шофер свернул в последний момент — автомобиль врезался в угловой фонарь, въехал на тротуар и остановился, ударив в застекленную дверь магазина. Тротуар был сплошь усыпан стеклами.

Сразу стали собираться люди. Из магазина выбежала женщина с белым как мел лицом и стала грозить шоферу кулаком.

— Как едешь! Глядите, на тротуар забрался, целехенькие стекла вдребезги!

— А еще к мальчишке придирается!

— Счастье, что на тротуаре никого не было! Задавил бы насмерть!

— Им что, вся улица ихняя! Человека задавить — пара пустяков!

Людей все прибывало. Водитель вышел из помятого автомобиля, вытирая рукавом лицо. Осколком стекла ему порезало щеку, тоненькой струйкой сочилась кровь.

— Черт слепой, нечего тебе за рулем делать!

— Чуть мальчишку не сбил!

— Полиция где? Позвать полицейского, пусть составит протокол!

— Проучить его надо!

Перепуганный Игнась стоял в стороне. На него не обращали внимания. Рассерженные женщины грозили шоферу кулаками.

— Вот отнимут права, пусть знает, как лихачить! — сказал кто-то.

— Мальчишка сам полез под автомобиль, — пытался оправдаться шофер.

— Как бы не так! Все мы видели. Мальчишка ни в чем не виноват. Шел себе, а тут ни тебе гудка, ничего!

Игнась не мог взять в толк, что же происходит. Ведь все было совсем не так. Подойти, что ли, туда и сказать, что виноват он, а вовсе не шофер.

В этот миг он увидел темно-синий мундир и испугался. Толпа всколыхнулась, устремилась навстречу полицейскому. Про Игнася никто даже не вспомнил.

«Уйду», — мелькнуло в голове у Игнася; наклонившись, он собрал рассыпавшиеся учебники, и еще раз оглянулся. Шофер стоял перед полицейским, красная струйка крови стекала у него по щеке, полицейский что-то записывал в свой блокнот, а в толпе то и дело раздавались восклицания и угрозы. Чего доброго, его позовут, потребуют объяснений. Как бы не пришлось платить за стекло, за

фонарь, за поврежденный автомобиль. Нет, уж лучше уйти поскорее.

Поначалу Игнась шел не спеша, но чем дальше он уходил от места происшествия, тем быстрее несли его ноги, и под конец он приступился бегом.

Запыхавшийся, усталый, ворвался он домой.

— Что случилось? — спросила Зося.

— Ничего.

Игнась сел за стол и попытался есть, но еда не шла в горло. Только сейчас он со всей отчетливостью, словно заново, пережил все случившееся. Громадный черный автомобиль был совсем рядом, и, не сверни шофер в последнюю минуту, все могло бы обернуться совсем иначе. «Скорая помощь», больница, а возможно, и того хуже. А теперь он, Игнась, преспокойно сидит дома и обедает, а полицейский, наверное, отвел шофера в тюрьму. Ведь все были против него...

Игнась отложил ложку.

— Ты что не ешь?

— Что-то не хочется...

Он открыл тетрадь и принялся решать задачку. Но и это не получалось. Он не мог сосредоточиться — перед глазами стояло бледное, окровавленное лицо шофера, возмущенная толпа, разбитая дверь. И наконец, полицейский, аккуратно записывающий показания свидетелей в толстый блокнот.

Игнась вздохнул. Как все-таки ему поступить? А что, если его уже хватились? Нет, не найдут, пожалуй, — все произошло в чужом районе. Скажут, мальчишка, мол, и дело с концом. Мало ли мальчишек после уроков шатается по улицам. А если даже и спросят,

можно не признаться. Никто ведь не обратил на него внимания, шофер был слишком потрясен случившимся, прохожие занялись шофером и разбитым стеклом.

Задача никак не решалась, и он закрыл тетрадь. Лицо шофера, звон разбитого стекла то и дело всплывали в памяти.

Зося и Адашь ничего не заметили. Но Анка, вернувшись домой, сразу заподозрила неладное.

— Игнась, что с тобой?

Игнась на миг заколебался. Сказать или нет? Но случившееся таким грузом легло на сердце, что он решился рассказать все.

Анка вскочила с места.

— Немедленно идем в комиссариат! Расскажешь все, как было.

Игнась побледнел. В комиссариат? У него чуть дрожали руки, когда он снимал кепку с вешалки.

— Не бойся, говори смело, ведь у шофера могут отнять права, могут упечь его в тюрьму!

Они шли молча. Ноги у Игнася подкашивались. Уж лучше бы он попал под машину...

— Это здесь,— спокойно сказала Анка.

Они вошли. У Игнася потемнело в глазах, он даже не заметил дежурного полицейского.

— По какому делу?

Анка подтолкнула брата, но Игнась не мог произнести ни слова. Ей пришлось его выручить.

— Мы по делу дорожного происшествия на улице Широкой. Брат хочет дать показания.

Дежурный внимательно взглянул на маль-

чика и достал из ящика стола чистый лист бумаги. Записал имя и фамилию.

Игнась взял себя в руки и дрожащим, но внятным голосом рассказал обо всем. О том, как он думал про голубей и шел, не глядя по сторонам. Как шофер просигналил и пытался его объехать. Перо бежало по бумаге, дежурный выпрашивал подробности. Затем он позвонил куда-то по телефону.

— Да, совпадает, шофер показал то же самое. Но свидетели говорят почему-то иначе.

Игнась еще раз повторил, как все было, как собрались прохожие и ругали шофера, хотя тот был не виновен.

Наконец дежурный сказал, что они могут идти. Удивительно легко и хорошо стало на сердце у Игнася. Какая же Анка умница! И ведь с самого начала надо было так сделать — подойти к полицейскому на улице и сказать, что шофер говорит правду. Виноват он, Игнась. Хотя настоящими виновниками были, конечно, голуби Янека Рудавского.

Через три дня к ним домой пришел шофер. Должно быть, в комиссариате ему дали адрес Игнася. Узкая красная царапина — след происшествия — пересекала его щеку. Он подал Игнасю руку как взрослому.

— Ты молодчага, хоть и не умеешь ходить по улице. У меня жена, четверо детей. Не приди ты в комиссариат, меня бы лишили водительских прав, и тогда — хоть в петлю лезь. Теперь, правда, надо еще кое-что уладить, но уже совсем другое дело. Молодчага!

Шофер оказался очень симпатичным человеком. Он просидел довольно долго, расска-

зывал, как управляют автомобилем. А на прощание сказал Игнасю:

— У меня там, на Широкой, стоянка. Захочешь прокатиться, приходи!

НОВАЯ КВАРТИРА

Об этом давно уже поговаривали в доме, однако до обитателей комнаты на чердаке слухи не доходили. Потому и Анка оторопела, когда однажды жена булочника спросила у нее на лестнице:

— Ну как, съезжаете, что ли?

Анка не поняла, о чем речь.

— С чего бы нам съезжать?

— Разве не знаешь? Хозяин собирается надстраивать этаж, и обе комнаты на чердаке будут сносить.

— Сносить?

— А как же иначе строить? Спроси у дворника, он тебе скажет.

Анка торопливо сбежала вниз. Дворник закивал головой.

— Так оно и есть, будут надстраивать еще один этаж. Хозяин все думал, думал и вот тебе надумал. Что ему две эти комнатенки, надстроит этаж на несколько квартир, денег больше выручит.

У Анки кровь отхлынула от лица. Она беззвучно прошептала:

— А мы?

— Ну что ж, вам придется съехать. Время еще терпит, потому я вам не говорил, чего огорчать заранее. Толковал я с хозяином, как бы вас куда пристроить, но что поделаешь,

свободной комнаты нет. Придется вам жилье подыскивать, и девочке, у которой дедушка помер.

— Хеленке?

— Ну да, Хеленке. Я тут ничем помочь не могу,— говорил дворник, отводя взгляд в сторону, чтобы не видеть, как горестно вздрагивают у Анки губы, как дрожат руки.

Она повернулась и медленно пошла наверх.

Дома никого не было. Зося пошла гулять с Адасем. Игнась побежал к товарищу. Анка села за стол и уставилась на чисто выбеленные стены, на картинку с березами. Неужели это правда, что вскоре эта комната не будет им принадлежать? Неужели придется покинуть все это, оставить соседей, с которыми они делили и радость и горе. Не встретить им больше на лестнице толстую пани Матильду, не зазвенит тонкий голосок панны Йоаси, не долетят со двора знакомые детские голоса.

На лестнице слышались быстрые шаги — это возвращались Адась с Зосей.

— Анка, какая погода! В парке прямо...— Зося осеклась.— Что случилось?

— Ничего. Мы должны освободить квартиру.

— Освободить?..— протянула изумленно Зося.

— Я не освобожу,— заявил Адась так решительно, что старшая сестра улыбнулась.

— Ничего не поделаешь, раз надо, значит, надо. С завтрашнего дня начну искать новую квартиру.

Новость ошеломила детей. Они так привыкли к своей комнатушке. У них и в мыслях

не было, что когда-нибудь ее придется по-кинуть.

На другой день пришел дворник с запиской от хозяина. Сомнений больше не оставалось — нужно было подыскивать новую квартиру.

— Только чтобы была точно как эта, — потребовал Адашь.

И начались Анкины мучения. В подворотнях висели объявления: сдается. Она поднималась по лестнице, смотрела, заходила к дворнику спросить про квартирную плату. Суммы были так велики, что Анка круто поворачивалась и уходила.

К тому же все эти комнаты не походили на их комнату на чердаке. Это были крохотные клетушки, почти совсем темные, с выходящим на грязные деревянные галереи оконцем, с железной печкой, на которой и обед-то не сваришь, — унылые комнатенки с низкими потолками. Анка возвращалась домой вконец расстроенная.

Изо дня в день она отправлялась на поиски жилья, помогал ей в этом Игнась. И оба они заметили, что в своих поисках уходили все дальше от больших широких улиц, оказывались все ближе к низким домикам на окраине. Там, в центре, и спрашивать не о чем — квартиры дорогие, даже говорили с ними неохотно. Им казалось, что они и так живут далеко от центра, а теперь вот пришлось селиться на окраине.

Но вот однажды Игнась вернулся с торжествующим видом.

— Нашел! Нашел! Знаешь, рядом с тем домом, где раньше жил Янек Рудавский!

— На чердаке, как здесь? — допытывался Адашь.

— Ну если хочешь, считай, что на чердаке! Потому что над нами нет никого, но на самом деле квартира внизу, как у дворника!

— Как же это получается — и высоко и низко, — недоумевал Адашь.

— А разве я говорил, что высоко? Просто дом одноэтажный.

— Ага... Ну а вообще как там?

— Даже красиво. Есть садик, а неподалеку лужок. Почти как в деревне.

Адашь вздохнул.

— Все равно, как тут, нам уже не будет...

— Почему? — спросила Анка. — Там, может быть, совсем неплохо.

Но сказала она это не очень уверенно. Они ведь так привыкли к своей комнате на чердаке; жизнь в другом месте и представить себе невозможно.

Настроение несколько поднялось, когда все вместе пошли смотреть новую квартиру.

Хозяйка, пани Бугаевская, жена каменщика, встретила их очень приветливо.

— Как-нибудь поладим. Домик-то мы в лучшие времена ставили, а нынче мой всю зиму без работы, вот и приходится понемногу подрабатывать. Можете грядки вскопать в огороде, только уже на будущий год, сейчас поздно.

У Зоси загорелись глаза, когда она увидела в садике яблоньки и кусты пионов.

— Адашь, смотри, пионы, как у пани Калиновской!

Домой они вернулись немного приободренные и понемногу стали готовиться к переезду.

Но до чего жалко было расставаться с комнатой и домом.

— Анка, мы ведь будем заходить сюда, да?

— Само собой. Хотя бы на сирень посмотреть.

— Только бы ребята про нее не забыли, когда мы уедем! — беспокоилась Зося. Кривой куст сирени в благодарность за заботу старался изо всех сил. На нескольких ветках распустились пахучие, лиловые кисти, и дети со всего дома подолгу простаивали перед ними, любуясь делом своих рук.

— Да не забудут, все так радуются, что она цветет.

Когда пришло время сборов и надо было решать, что выкинуть, а что взять с собой, им то и дело попадались мелочи, вызывающие самые различные воспоминания.

— Смотрите, тут в ящике пуговица от жилета! Это с тех пор, как мы тогдашили.

— А вот кусочек цветной бумаги, помнишь, Адашь, это от тех елочных зонтиков.

— Игнась, здесь еще известка осталась с тех пор, как мы комнату белили.

И так без конца. Все это надо было выкидывать, а так было жалко, словно выбрасываешь частичку жизни, прошедшей в этой комнате.

— Не брать же с собой всякий хлам, — заявила Анка, но и она долго держала в руке какой-то черный, засохший стебелек, оставшийся, должно быть, от тех цветов, которыми они украсили фотографию мамы в день ее именин.

Но тяжелее всего было прощание с соседями. С одной Хеленкой не пришлось про-

щаться: на новой квартире у них была комната с маленькой кухней и они решили, что места хватит и для нее. Но с другими...

Даже дворник, обычно такой суровый, помог отнести вещи вниз. Пани Матильда, вздыхая, пыхтела, как паровоз. Пришел отец Хаимека и долго стоял у двери.

— Будет нужно, приносите ботинки, — сказал он тихо, — я вам починю.

Прибежала Иоася и подарила Анке свою шелковую блузку.

— Мне она тесновата, а тебе сгодится, — сказала она со слезами на глазах.

Про детей и говорить нечего — они толклись у дверей, мешали, лезли под руки.

— В воскресенье прибегу, — обещал Генек. — Там у тебя уж наверняка будут голуби, да? — спрашивал он у Игнася.

— Не знаю, как получится, — ответил Игнась, ему теперь было не до голубей.

— Грустно, как на похоронах, — сказала Стефочка и вдруг заплакала. А за ней и остальные девочки.

И вправду, было очень грустно покидать комнату на чердаке и всех тех людей, с которыми они долго и дружно жили вместе.

НА ПОРОГЕ

В маленьком домике на одной половине жила пани Бугаевская с мужем и маленькой Цесей, на другой — Анка с семьей.

Здесь было почти как в деревне. По утрам на яблоню в садике прилетал зяблик.

«Цвирр, цвирр, тю, тю, туююуюю!» — заливался он радостной песенкой, и Анка вскакивала с постели.

— Ой, так поздно уже?

Но было вовсе не поздно. Только утро здесь, на окраине, наступало почему-то раньше, чем во дворе их прежнего дома.

День, начинавшийся с птичьей песенки, обещал быть хорошим. Адасть сразу бежал на другую половину, к пани Бугаевской.

— Цеся, вставай!

Малышка Цеся — ей было два годика — поднимала головку от подушки и весело смеялась. Ей очень нравился Адасть. Адасть же был доволен, что он теперь не самый младший в доме — есть и поменьше. Едва ли не весь день проводил он у пани Бугаевской или в садике. Цеся играла в песке, а он присматривал за ней и воспитывал ее, подражая Зосе.

— Смотри, не испачкай платье.

— Смотри, не порежь пальчик, здесь стекло.

Цеся пропускала его замечания мимо ушей, но Адасть все равно был очень горд, потому что соседка просила его иногда:

— Адасть, побудь с Цесей, мне в лавку надо.

Зося стала теперь гораздо свободнее — не надо было присматривать за младшим братом: здесь не проходили трамваи, не проезжали автомобили, Адасть мог спокойно играть один в садике. И вот она иногда стала отлучаться из дома.

— Ты куда, Зося?

— Скоро вернусь. У меня дела. Поиграй с Цесей.

— Мы будем делать куличики из песка.

— Хорошо. Захочешь есть — хлеб на полке.

И она уходила. Возвращалась разбуряившаяся, счастливая, но не говорила никому ни слова.

Анка вообще не знала про ее тайные походы, Игнася это не интересовало. Ему было недосуг — приближался конец учебного года. Притом год этот был особенный, непохожий на другие — Игнась заканчивал последний класс.

— А что ты собираешься делать после школы? — допытывалась Зося.

— Это мое дело. Придет время — увидишь.

— Тайна?

— Может, и тайна. У тебя, что ли, нет тайн?

Зося покраснела. Неужели Игнась о чем-то догадывается? Скорее всего, он сказал это просто так. Нет, Игнась не знал ничего. Знала, быть может, одна только Хеленка. Но Хеленка теперь редко бывала дома.

Она вбила себе в голову, что не будет даром есть хлеб, который таким тяжким трудом достается Анке.

— Ну что ты зарабатываешь? Мала еще! — втолковывала ей Анка, но Хеленка не сдавалась.

— Пусть мала, все равно на что-нибудь пригожусь. Дедушка всегда говорил, что надо работать.

— Делай, как хочешь. Только знай, если ничего не найдешь, не пропадем.

Хеленка искала работу. Советовалась с соседкой.

— Деточка, а не зайти ли тебе на Каменную улицу, тут рядом, к Совинской?

— А кто она?

— Портниха. Говорила как-то, что ищет помощницу: двое детей, заказов много. Может, еще никого и не нашла.

С бьющимся сердцем Хеленка побежала на Каменную улицу. Пани Совинская подняла голову от стрекочущей машинки.

— Да, я ищу помощницу. Чтобы за детьми присмотрела и шить помогла. Но ты, пожалуй, слишком мала.

Маленькая Хеленка выпрямилась, чтобы казаться как можно выше.

— Я очень сильная! И шить немного умею, и детей люблю, и вообще...

Пани Совинская раздумывала.

— Мордашка у тебя славная, но не знаю... Вряд ли ты справишься...

— Тогда возьмите меня на пробу. Увидите, я все сделаю, все смогу.

— А родители согласны, чтобы ты ко мне приходила?

— У меня нет родителей,— тихо сказала Хеленка.

И тут пани Совинская перестала раздумывать. Они договорились, что Хеленка будет приходить в семь и оставаться до вечера.

— Вообще ты могла бы и ночевать здесь, только тесновато у нас.

— Что вы, у меня есть жилье, мы там все вместе, лучше я со всеми...— И она бегом помчалась домой, сообщить новость.

— Тяжело тебе будет,— огорчалась Анка. Но Хеленка не унывала:

— Справлюсь! А пани Совинская такая славная. Лицо у нее доброе. И дети тоже славные, мальчик немного похож на Адася, только помладше.

Итак, Хеленка нашла работу и была довольна. Зарабатывала она не много — несколько злотых, но зато ее кормили, а когда относила готовый заказ, получала монету-другую за доставку. Время от времени она силком совала Анке в руку деньги.

— Это моя доля за квартиру. Почему я должна жить у вас даром?

После долгих уговоров Анка соглашалась взять деньги. Ей приходилось нелегко: расценки на фабрике снизили, а расходы все росли. Через год Адашь пойдет в школу. Зося стремительно вырастает из всех своих платьев, Игнасю надо починить ботинки. И так без конца. Одну дыру заткнешь, глядь — появилась новая.

Главной ее заботой стал сейчас Игнась. До сих пор было известно: в июне начинаются каникулы, а в сентябре — учебный год. Надо доставать учебники и тетради — вот и все хлопоты. А теперь Игнась заканчивал школу — и что дальше?

Анке нередко приходилось видеть, как мальчишки, сверстники Игнася, не найдя работы после окончания школы, целые дни напролет бездельничают, подбирают окурки, играют под забором в карты, приучаются бродяжничать и воровать.

«Игнась хороший мальчик, это верно, но если он останется без дела...— тревожилась она.— Он способный, и учителя очень его хвалят. Но о том, чтобы ему учиться дальше, даже думать нечего».

Она прекрасно понимала, что из своего заработка помогать брату не сможет. Хорошо, если хватит на самое необходимое: на квартиру, еду и одежду.

Анка хотела поговорить с ним, но не решалась. Что она может ему посоветовать? А ведь должна бы как старшая сестра.

Зосино будущее тоже тревожило ее. Теперь дел по дому у Зоси стало куда меньше, а когда Адашь пойдет в школу, их станет совсем мало.

Устраивать сестру на фабрику ей не хотелось. Пока что Зося еще мала, да и знала Анка — работа на фабрике тяжелая, вредная для здоровья. Недаром у нее самой вечный кашель от хлопковой пыли, Анка видела, как быстро теряют силы и здоровье работницы в прядильной. Но как быть? Надо ведь как-то устроить Зосину жизнь, чему-то обучить ее. И снова все упиралось в деньги — откуда их взять на учебу?

Одним словом, поводов для огорчений было множество. Проще всего обстояло с Адашем — он пока что только поступал в школу.

— Что-то вы неважно выглядите, панна Анка, — заметила однажды соседка. — Чем-нибудь огорчены? Дети ведь, слава богу, здоровы.

— Здоровы. Но разве только в здоровье дело?

— Так знайте же: самое главное — это здоровье. Остальное пустяки.

Что бы ни говорила пани Бугаевская — Анку тревожили отнюдь не пустяки. И она сгибалась под тяжестью взятой на себя ответственности. Ведь обещала же она матери, поклялась после ее смерти, что позаботится о младших. Это было нелегко, и Анка не одну ночь проплакала, не зная, что ей делать.

Оказалось, однако, что Игнась сам поду-

мал о своем будущем. Как-то за ужином он неожиданно заявил:

— Знаешь, я говорил с паном Бугаевским. Сразу после школы пойду к нему на стройку.

— Зачем?

— Как зачем? Помогать ему буду.

— Побойся бога, Игнась, ты еще слишком молод!

— Вовсе нет. Не беспокойся, пан Бугаевский меня берет, он знает, что делает.

— Значит, ты будешь каменщиком? — заинтересовался Адась.

— Нет. Сперва помощником. А потом каменщиком или еще кем-нибудь, уж как получится. Только это еще нескоро.

— Кем? Кем? — От нетерпения Адась подпрыгивал возле стола.

— Пожарным.

— Пожарным? — удивился Адась.

— А чем плохо? Я видел пожар на Кирпичной улице. Пожарные по приставной лестнице из огня вынесли ребенка, женщину спасли. Они людей спасают, жилье. Только подождать придется, когда стану совсем взрослым.

— Опасное это дело... Недавно в газете писали, как один пожарный погиб...

— Бывает, конечно, но зато скольких людей он спас?

— Анка,— робко вмешалась Зося,— я тоже хочу сказать...

— Что случилось?

— Ничего не случилось... Дело в том, что я...

— Что? Ради бога, говори наконец!

— Я, я... устроилась в больницу! — выпалила вдруг Зося.

— В какую еще больницу?

— На Загорной... Там есть детская больница... Я спросила одну женщину... и она сказала...

— Что сказала?

— Не сердись, Анка, но я уже побывала у директора... и меня... меня...

— Ну говори же в конце концов! — потерял терпение Игнась.

— С осени берут санитаркой в больницу. Анка посмотрела на нее с изумлением.

— Как это?

— Ну... Я думала — надо ведь искать работу. И вообще, я там буду за больными детьми ухаживать...

Анка обняла сестру. На глазах у нее выступили слезы.

Вечером они вышли в садик.

— Значит, ты, Игнась, будешь тушить пожары, спасать людей... А ты, Зося, — лечить больных детей.

— А я, я что? — вмешался Адась.

— У тебя еще есть время.

— А ты, Анка?

— Что ж, малыш, я буду по-прежнему на фабрике, — задумчиво и немного грустно сказала Анка.

— Но ведь ты ткешь материю для людей... Она идет и на рубашки, и на бинты, и на детские платья...

— Правда, — лицо у Анки просветлело.

Благоухали цветы, вдалеке играла гармонь. Было тихо, светло и удивительно радостно.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Решение	3
Велосипед	9
Пожар	15
Куст сирени	21
Происшествие	27
Хаимек	33
Пани Калиновская	39
Простой ситец	45
Елка	50
Тележка	62
Жилеты	69
Хеленка	74
Письмо	79
Праздники	88
Возвращение	93
Именины	99
Шофер	106
Новая квартира	112
На пороге	117

Для младшего школьного возраста

Ванда Василевская

КОМНАТА НА ЧЕРДАКЕ

Повесть

Ответственный редактор
А. С. Ляуэр

Художественный редактор
Н. З. Левинская

Технический редактор
Г. Г. Седова

Корректоры
Э. Н. Сизова, Е. А. Сукьян

ИБ № 9402

Сдано в набор 23.02.87. Подписано к печати 27.05.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. книжно-журн. № 2. Шрифт школьный. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,14. Уч.-изд. л. 4,77. Тираж 100 000 экз. Заказ № 5510. Цена 45 коп.

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720, Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 127018, Москва, Сущевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм
«Целлофот»

В19 **Василевская В.**
Комната на чердаке: Повесть/Пер. с польск.
Э. Р. Василевской; Рис. Н. Абрамова.— М.: Дет.
лит., 1987.—126 с., ил.

В пер.: 45 к.

В повести писательница рассказывает о судьбе четверых польских ребят-сирот, об их мужестве и доброте. Действие происходит в довоенной буржуазной Польше.

В 4803020000—366 472—87
М101(03)87

И(Пол)

45 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»